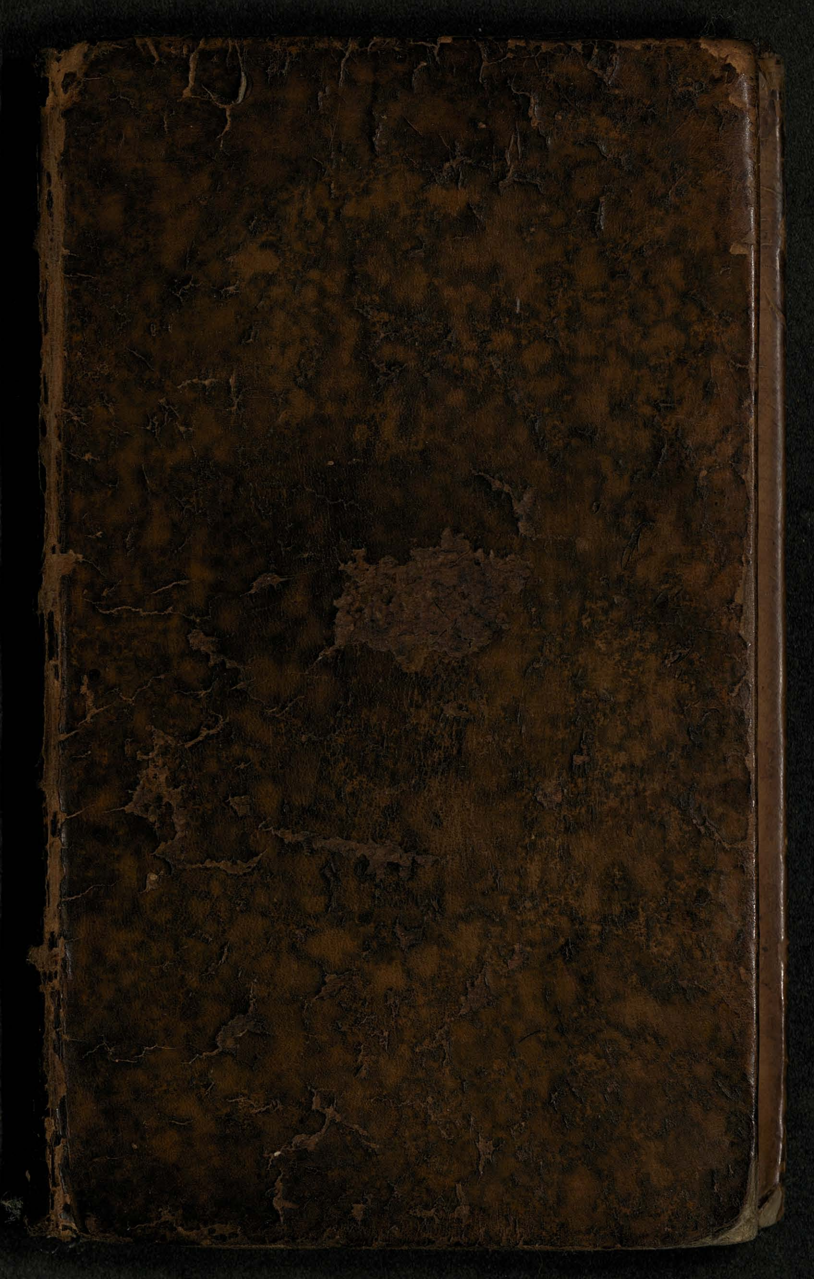

МН-8°
81Г

~~А 117/556~~

КР 62/V

Соп. 9616

1-й экз.

РАЗСУЖДЕНІЕ

ПРОТИВЪ

АТЕИСТОВЪ

И

НЕУТРАЛИСТОВЪ.

Переведено съ Латинскаго языка.

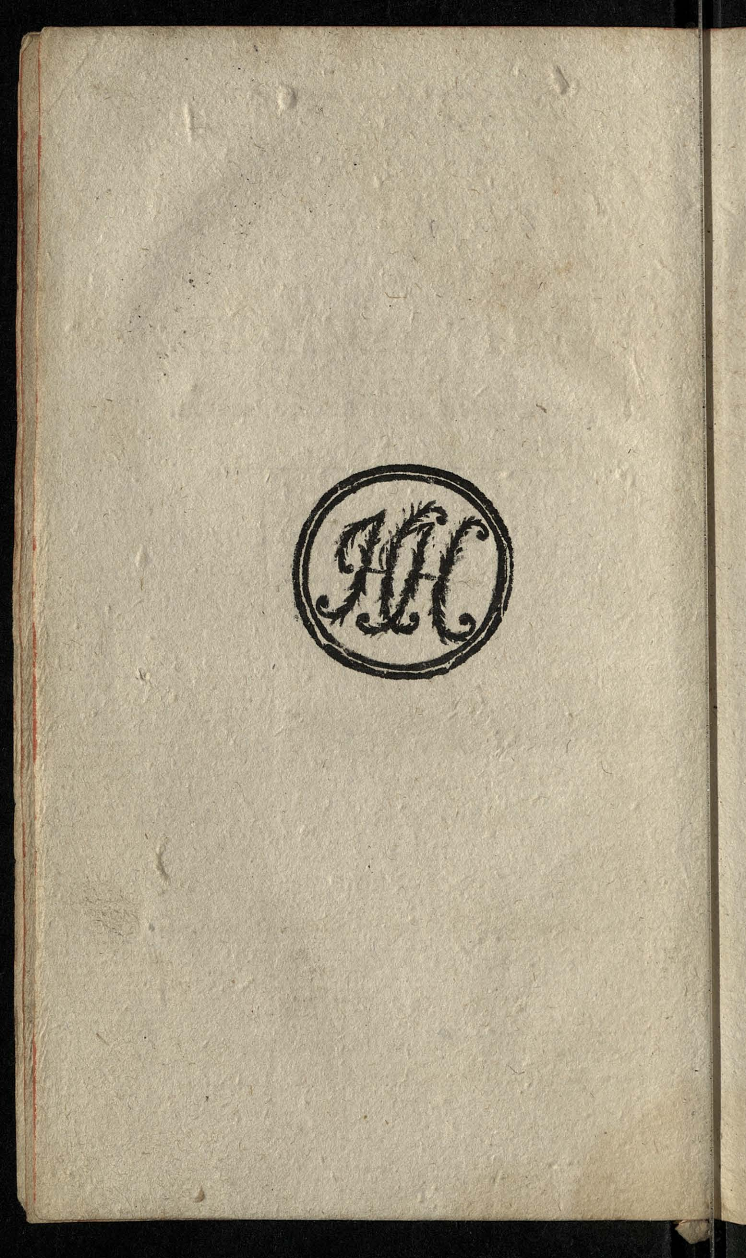
Изданіе Второе.

№ 601

ПУБЛИЧ. И РУМЯНЦ. БИБЛІО-ТЕКА

ВЪ МОСКВѢ
ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова 1781 года.

РАЗСУЖДЕНІЕ противъ АТЕИСТОВЪ и НЕУТРАЛИСТОВЪ.

---

§. 1.

Что Богъ есть, сіе столь многими и различными доказательствами утверждается, что кто инако о семъ въ сердцѣ своемъ говорить дерзаетъ, тотъ у Пророка Царя Давида по справедливости безумнымъ называется. Въ этомъ мнѣніи всѣ обще народы, у коихъ еще умъ совсѣмъ не потерянъ, не только ученые и разумные, но и самые глупые, грубые и дикіе согласны.

 „Нѣтъ

„Нѣтъ, говоритъ Римскій
„краснословецъ Цицеронъ, ни
„единой толь дикой страны,
„нѣтъ ни единаго толь разсви-
„рѣпѣлаго народа, у котораго
„бы не было сего понятія: что
„Богъ есть„. И ежелибъ,
„по свидѣтельству Арнобіеву,
„безсловесныя животныя про-
„молвить могли, ежелибъ та-
„кую свободность, какъ мы въ
„языкѣ имѣли, да и самыя дре-
„ва̀, земля и камни, ежелибъ
„одушевленны были, и согла-
„сно и раздѣльно моглибъ го-
„ворить: то конечнобъ позна-
„ли, что Богъ есть, и что
„онъ единъ всему Господь, во-
„зопили бы.

Но куды жалости достойно, что въ нынѣшнія такъ какъ и въ древнія времена, находятся нѣкоторые такіе люди, кои употребя на зло свой разумъ, и собравъ, откудубъ ни попались,

лись, сумозбродныя доказательства, первоначальный оный познанія свѣтъ лжею какъ мракомъ потемняютъ, и въ себѣ самихъ понятіе о божествѣ истребить стараются, дабы имъ чрезъ то, отложа весь страхъ, и избѣгнувъ всякихъ опасностей, свободнѣе было своимъ страстямъ угождать, и жизнь бы свою во всякихъ беззаконіяхъ провождать безъ наказанія. Да таковыхъ безумныхъ малое число никакъ не можетъ противоположиться общему другихъ всѣхъ мнѣнію: первое для того, что они должны непремѣнно совѣсти отречься; а второе, что они хотя не хотятъ, однакъ признаютъ того, кого знать не желаютъ, и по неволѣ боятся того, кого съ намѣренія презираютъ. Ибо если что невзначай хоть мало стукнетъ или зашумитъ, то они всѣми членами трясутся, взираютъ на небо,

часто напоминаютъ Бога: какъ оной Калигула, которой когда премѣнную мокрую непогоду, или легкой съ неба шумъ усматривалъ, тогда грозилъ небу, и противъ Бога, какъ пишетъ Светоній, вооружался; когда же громъ гремѣлъ, или страшная молнія блистала, то въ той часъ окутывалъ голову, и подъ кровать себя пряталъ.

Оставляю здѣсь прочихъ, которые у идолопоклонниковъ ругательски Атеистами назывались. Понеже многихъ за то одно симъ именемъ порицали, что они тѣми богами гнушались, коихъ почитать было явное беззаконіе. Но таковые болѣе съ добраго намѣренія, нежели съ презрѣнія о божествѣ спорили, какъ говоритъ Цецилій у Минуція Феликса.

§. 2.

§. 2.

И такъ, что Богъ есть, всѣ согласно признаютъ, кромѣ только нѣсколькихъ людскихъ чудовищъ, и такихъ народовъ, кои можетъ быть какъ скоты живутъ. Но не меньше и сіе извѣстно.

1.) Что Богъ есть существо пресовершенное, всеблагое, величайшее, котораго нѣтъ ничего лучше и превосходнѣе, какъ и самые язычники признали, по свидѣтельству Августинову въ книгѣ о наставленіи Христіанскомъ; да и въ свѣтѣ не можно никого сыскать, ктобъ почелъ за Бога то, чего есть нѣчто лучшее.

2.) Что онъ есть всего міра Создатель. Ибо веществу или міру приписывать вѣчность, весьма безумно и безбожно есть. И можетъ ли что быть безумнѣе,

нѣе, какъ существу несовершенному причитать самое первѣйшее совершенство, и художество съ самымъ художникомъ смѣшивать? Потому, что кто матерію вѣчною быть мечтаетъ, тотъ немного разнствуетъ отъ тѣхъ, кои съ Плиніемъ вѣрили, что будто сей міръ Богъ есть, и коимъ не стыдно было написать слѣдующее: „ на „что взглянешь, или гдѣ ста„нешь, все то есть Богъ „.

Не требуетъ Епикурово сумозбодство о случайномъ Атомовъ стеченіи опроверженія. Ибо ктобъ столько былъ безуменъ, чтобы сей прекрасный міръ, столь чинный въ немъ порядокъ, столь премудро устроенную его обширность приписалъ пустому случаю? Слово въ слово такъ, какъ бы изъ кирпича и лѣсу могъ состроиться самъ собою какой домъ, или бы

бы изъ безчисленныхъ и по земле разброшенныхъ буквъ могла когда нибудь красивая речь или изрядные стихи сочиниться. Гораздо умнее сего Епикура были другіе язычники, кои признавали, что сему міру Богъ есть отецъ, и кои съ Софокломъ, какъ видно у Климента и Кvрилла Александрійскихъ, говорили: „Единъ де Богъ есть, „который сотворилъ небо и об„ширную сію землю.

3.) Что Богъ, не только міра и всехъ находящихся въ немъ вещей, между которыми первые суть Ангели и люди, есть Творецъ; но и всехъ благъ виновникъ и неизчерпаемый источникъ, почему все сіе и язычники приписывали своимъ богамъ, какъ-то нетрудно изъ Гомера и другихъ писателей доказать, ежелибъ о семъ писать случилось намъ.

4.) Что мы должны оному существу безконечному служеніе и почитаніе творить, о преудивительныхъ его добротахъ, оказываемыхъ изъ его тварей разсуждать, и не только ихъ однимъ скорымъ окомъ и изчезаемымъ зрѣніемъ перебѣгать, но въ томъ размышленіи надолго упражняться, и подробно и вѣрно умомъ оное разбирать: ему всѣми мѣрами угождать, крайне любить и все славѣ его восписывать. И кто же не станетъ почитать, прославлять, со удивленіемъ любить и бояться такого Существа, которое есть вѣчное, премудрое, всесильное и преправедное? отъ котораго все что есть и чего нѣтъ происходитъ; Бога такова, который не довольно того, что небо и землю сотворилъ, но и всесовершеннымъ еще всякихъ вещей различіемъ и довольствомъ, не иначе какъ бы домъ ка-

какой пространный и велико-
лѣпный предивными и безчислен-
ными сокровищами наполненный
украсилъ, который человѣка со-
творилъ, и неисчетными обога-
тилъ благодѣяніями на тотъ
только конецъ, чтобъ онъ его
зналъ, любилъ и почиталъ. Сіи
два пункта неразрывно между
собою связаны, то есть знать
Бога, и почитать его. Гово-
ритъ Цицеронъ: нѣтъ ни еди-
наго толь дикаго народа, кото-
рой, хотя бы и не понималъ
какого имѣть надобно Бога, од-
накъ что ему должно его имѣть,
и имѣя почитать, не зналъ бы.
Да и самъ Епикуръ неоднократ-
но сіе призналъ и исповѣдалъ.
Всѣ же сіи дѣствія то есть по-
читаніе, служеніе, любовь, уди-
вленіе, страхъ и поклоненіе за-
ключаются въ этомъ имени бого-
честіе или вѣра, о коей съ по-
мощію божескою рѣчь имѣть
начинаю.

§. 3.

§. 3.

И такъ приступая говорить о вѣрѣ или богочестіи, не намѣрены мы первоначальнаго симъ словамъ произведенія изыскивать: понеже сіе надлежитъ до Грамматиста, а не до Богослова. Такъ же и о разныхъ означеніяхъ сихъ словъ оставляю. Довольно здѣсь замѣтить, что мы чрезъ вѣру или Богочестіе не иное что разумѣемъ, какъ *извѣстное правило, или способъ такоѣ, по которому должно познавать Бога и служить ему.* Ибо отсюду произошли разныя вѣры, по причинѣ разныхъ правилъ и способовъ, по которымъ стали народы познать и почитать Бога. Равнымъ образомъ и о дѣйствіяхъ богослуженія, которыми изъявляемъ почитаніе къ Богу, говорить здѣсь нѣтъ нужды. И что изъ нихъ одни имѣются внутреннія, на примѣръ: любовь, страхъ, вѣра, на-

надежда и покоренiе; другiя внѣшнiя, какъ то строить церкви, приносить жертвы, просто кланяться тѣломъ, или же на колѣна до земли припадать; а иныя отъ части внѣшнiя, отъ части же внутреннiя, какъ поклоненiе, которое бываетъ тѣломъ и духомъ; поелику всѣмъ извѣстно, оставляемъ, дабы намъ по силѣ нашего намѣренiя къ важнѣйшему приступить.

§. 4.

Изъ преждереченныхъ въ параграфѣ 3 мъ удобно заключить можно, что богочестiе всѣмъ есть всѣяно, понеже всѣ имѣютъ о божествѣ понятiе. Ибо признавъ Бога [какъ мы ужѐ видѣли] и подлежащую къ богопочитанiю вещь, то есть разумнословесную тварь, непремѣнно признать надобно какую нибудь богопочитательную вѣ-

ру.

ру. Признавъ, что Богъ не токмо самъ благъ есть, но еще и всякой благости податель: непремѣнно признать надобно, что его за то должно любить. Признавъ, что Богъ столь великъ и силенъ есть, что всякую, тварь отъ себя созданную можетъ ни во что обратить, и наижесточайше оную наказать: непремѣнно признать надобно, что его должно и бояться. Признавъ, что Богъ весьма ревностный есть истинны и правды любитель: непремѣнно признать надобно, что ему во всемъ должно повиноваться. Признавъ Бога такимъ, что онъ все зло отвратить, и отъ всякой бѣды свободить можетъ: непремѣнно признать надобно, что мы на него единаго должны уповать. Признавъ, что Богъ есть премудръ, такъ что и людей сотворилъ на такой конецъ, которой его премудрому суще-

ству приличенъ: непремѣнно признать надобно, что и люди всѣ не къ иному концу, только къ тому, къ которому онъ ихъ опредѣлилъ, обязанными быть должны, употребляя на добро отъ Бога данной разумъ, то есть, почитая Бога, и исполняя то, что ихъ Творцу непротивно. И понеже въ этихъ двоихъ вещахъ доброе разума употребленіе состоитъ, а все тое, о чемъ мы вышше сказали, содержится въ богочестіи или вѣрѣ: такъ и стало извѣстно, что люди не меньше опредѣлены къ богочестію, какъ и къ общекупному житію, хотя въ семъ иные не согласуютъ. Да и самой союзъ, которой насъ съ Богомъ связуетъ, гораздо тѣснѣе того, коимъ мы между собою соединяемся. Ибо, какъ справедливо примѣчено, ежели для чаемой корысти другъ къ другу пристаемъ: то гораздо извѣст-

извѣстнѣйшихъ благъ надлежитъ намъ ожидать отъ Бога, нежели отъ тварей. Ежели за полученіе благодѣяній одолжаемся; то несравненно больше одолжены мы къ Богу, нежели людямъ. И ежели страхъ или любовь влечетъ насъ къ содружеству: то кому не извѣстно что никого больше любить и бояться не должно кромѣ Бога? А сіе такъ несомнѣнно, что язычники лучше изволяли змiямъ, мышамъ, крокодиламъ, дереву и камню кланяться, нежели быть или слыть безъ богопочитательной вѣры. Такъ то сильно сіе въ нихъ вкоренилось, что удобнѣе было естественной ихъ склонности перемѣниться, какъ поистиннѣ и перемѣняется, когда человѣкъ отъ природнаго своего высокоумія на всякое униженіе самохотно склоняется, только бы онъ могъ содержать вѣры своей исповѣданіе.

§. 5.

§. 5.

Сіе все большаго доказательства не требуетъ, а изъ того только примѣтить должно, что богопочитаніе или вѣрованіе въ Бога, не отъ инаго чего свое имѣетъ начало, какъ отъ врожденнаго всѣмъ о божествѣ понятія; а не отъ страху духовъ невидимыхъ, ниже отъ недознанія въ натуральныхъ дѣйствіяхъ причинъ, ниже отъ перетолкованія случаемыхъ припадковъ на божескія; какъ въ нынѣшнемъ вѣку думалъ нѣкоторой человѣкъ, по многимъ своимъ хульнымъ и безбожнымъ мнѣніямъ вездѣ знакомой. Да и подлинно, какая тому причина можетъ быть, чтобъ богопочитаніе съ самаго своего начала болѣе завелось отъ страху духовъ, нежели отъ страха божескаго? Развѣ оное мнѣніе, что суть духи невидимые, больше вкоренилось въ людей,

 не-

нежели что Богъ есть? Постинъ никогда бы страхъ духовъ не могъ привести людей къ признанію какого нибудь богопочитанія, ежелибъ не прежде увѣрили сему, что Богъ есть; или по крайней мѣрѣ, что тѣ же самые духи боги суть; какъ не можемъ оспорить, что были нѣкоторые такіе дикіе люди, кои духовъ бѣсовскихъ боялись и ихъ почитали, по сказкамъ о Индійцахъ и Бразильцахъ. Но сіе оттуду произошло, что они самихъ настоящихъ бѣсовъ за боговъ имѣли; и такъ они до того еще вѣрили, что Богъ есть. Почему и намъ заключить слѣдуетъ, что самое первое и прямое богопочитанія начало, есть о божествѣ понятіе.

А что еще говорятъ о недознаніи натуральныхъ причинъ, также и о перетолкованіи

нiи на божескiя внезапныхъ случайностей, сiе весьма не къ стати. Ибо иное есть сказать, что устрашены были нѣкоторые народы, когда случалось имъ видѣть такое, чему они не понимали причины, какъ надъ нѣкоторыми то избылось во время солнечнаго и луннаго затмѣнiя; и отъ тогдашняго страху приведены были къ отправленiю различныхъ богопочитательныхъ дѣйствъ: иное же сказать, якобы самое богопочитанiе началось отъ непонятiя натуральныхъ причинъ.

Но никакихъ бы дѣйствiй богопочитанiя не оказывали народы, ежелибъ прежде сему не вѣрили.

1.) Что есть нѣкоторое такое существо, отъ котораго все то, чему они причины не понимали, производство свое имѣетъ.

2.) Что за возможность имъ казалось, умилостивить оное существо богопочитательными нѣкіими дѣлами, и тѣмъ самымъ отвратить худыя приключенія. Изъ чего видно, что богопочитаніе съ самаго своего начала всѣмъ отъ природы всѣяно, и подъ именемъ богопочитанія всегда разумѣется нѣкое о Богѣ понятіе. Сіе тѣмъ еще утверждается, что столькожъ боятся Бога знающіе вещей и ихъ приключеній причины, сколько и тѣ, кои о семъ вовсе ничего не разумѣютъ.

§. 6.

Здѣсь не льзя мнѣ удержаться отъ опроверженія тѣхъ, кои смѣли сказать, будто богочестіе нѣкоторыми людьми для того выдумано, чтобъ тѣмъ простой народъ удержать въ своей должности, хотя и сами де выдумщики больше ничему не

не вѣрили, какъ только что есть нѣкто Богъ. И будто Авраамъ, Моисей, Христосъ [страшно и говорить] на прельщеніе и утвержденіе своего намѣренія коварно употребили человѣческую боязнь и невѣжество, чтобъ тѣмъ себѣ царство возстановить. Правда не спорю, что нѣкоторые были такіе властолюбцы, кои на зло употребили подлогъ богочестія съ тѣмъ, чтобъ только себя предъ другими оказать великими; о чемъ и примѣры Іеровоамовъ, Миноевъ, Солоновъ, Ликурговъ, Нуминъ, Махомедовъ, сомнѣваться не допускаютъ насъ. Но чтобъ и намъ когда проговориться или подумать о Авраамѣ и Моисеѣ великихъ оныхъ мужахъ и праведныхъ; кольми же паче о Христѣ Спасителѣ Богѣ нашемъ купно со Отцемъ во вѣки вѣковъ благословенномъ, таковой страшной хулы возмечтать

 чтать

чтать не случилось: то ради примѣчанія слѣдующее предлагаемъ:

1.) Иное есть сказать, что начальствующія лица на худо употребили богочестіе, а иное сказать, будто его вновь выдумали: первое истинное, а другое ложное. Ибо всякому извѣстно, что оные хитрые люди [кои къ богочестію весьма много выдумокъ единственно для того прибавили, чтобъ у простаго народа пріобрѣсть себѣ почтеніе, и страхъ вкоренить, никогдабы сего не получили, ежелибъ не прежде воображено было сильно въ мысляхъ человѣческихъ оное понятіе, что Богъ есть.

2.) Иное есть утвердить въ сердцахъ человѣческихъ ту склонность, которою стремятся люди къ богочитанію; иное

же

же оную изЪ небытія вновь произвесть; послѣднее реченіе отмещемЪ, а на первое пристаемЪ: потому, что они совершенно знали, что безЪ богочестія или вѣры ни какое общество безопасно быть не можетЪ, но здѣлается такимЪ зборищемЪ, гдѣ всякому что угодно, то исвободно; гдѣ ни праваго, ни виноватаго; ни правленія, ни послушанія; гдѣ тотЪ лучше, кто коварьнѣе; а тотЪ господинЪ, кто сильняе.

3.) Иное есть сказать, что нѣкоторые внушили народу, что БогЪ требуетЪ почтенія симЪ или инымЪ образомЪ, и новые ввели обрады; а иное сказать, что они внушили сіе, что БогЪ есть, и что его должно почитать: первое пріемлемЪ, а другое отмещемЪ. Пусть намЪ покажутЪ такого человѣка, которой прежде всѣхЪ

въ свѣтѣ бытіе Божіе внушилъ. Истинно ежелибы Политики своею хитростію выдумали богочестіе, то тѣ бы только и народы содержали оное у себя, кои у тѣхъ же Политиковъ подъ властію или начальствомъ были. Но откуду сіе произошло, что во всѣхъ обще народовъ о содержаніи нѣкоего бочестія одно утвердилось мнѣніе; да еще говорю такихъ народовъ, кои о Авраамѣ, о Моисеѣ, и о Христѣ, такожъ о Махомедѣ, Солонѣ и Ликургѣ совсѣмъ ничего не слыхали? Потомъ, сходно ли съ истинною сіе, что будто Политики могли склонить Сократа, Платона, и иныхъ на примѣръ гораздо Платона и Сократа мудрѣйшихъ мужей къ мнѣнію, что Богъ есть, и что его должно почитать; когда бы самою вещію не было Бога? Для чегоже они все другое, что имъ о прочихъ вещахъ предлагается,

гается, отмещутъ; а сіе мнѣніе о Богѣ безъ всякаго отрицательства пріемлютъ?

Напослѣдокъ ежели хитростію или властію Политиковъ изобрѣтено богочестіе, то какъ тѣ же Политики, кои никакой власти не имѣли надъ собою, но паче сами отъ ласкателей своихъ Богами назывались, многіе имъ жертвы приносили, и какъ сущихъ Боговъ почитали: однакъ, что Богъ есть, тому вѣрили, и что отъ него зависятъ, признавали, да и крайнѣ его боялись, почему какъ своими, такъ и людскими жертвами умилостивить его надѣялись?

Не говори же, акибы сіе случилось отъ того, что имъ издѣтска о томъ часто напоминаемо было. Ибо для чего многія другія мнѣнія, къ коимъ они привычку имѣли, изчезаютъ; а сіе первое понятіе, что Богъ

 есть

есть, и что его должно почитать, никогда загладиться не могло? Поистиннѣ не иная тому причина, какъ только что оное отъ самаго Творца натуры Бога воображено. И такъ явная ложъ тѣхъ стала, кои говорятъ, и якобы обольщеніемъ Политиковъ богочестіе выдумано.

§. 7.

Сіе вообще проговоря о богочестіи, надлежитъ теперь къ инымъ поступить. А понеже всякой народъ особливое свое имѣетъ богопочитаніе, свое язычники, свое Жиды, свое Турки, свое Христіане: для того разсудимъ, равномѣрно ли пріятно Богу, какоебъ люди богочестіе ни содержали: и все ли должно быть равно, въ какомъ бы кто ни жилъ законѣ? Сей вопросъ нужнымъ здѣлался чрезъ многихъ безбожіе, кой въ нынѣшнія наши времена сколько

ни

ни родилось отъ совопросныхъ Сцептиковъ сумнительства, отъ беззаконныхъ Антиномистъ и Либертинцовъ бездѣльства, отъ Эпикуровъ невѣрія, все оное, говорю, возобновляютъ и часто кричатъ, чему ни вѣрь, какому зборищу не пристань, все равно, и всѣ вѣры никакого различія между собою не имѣютъ. Самая де главная сила вѣры въ томъ состоитъ: слушаться власти и верьховнаго начальства, коимъ мы подчинены; ихъ велѣнія исполнять, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ имъ не противиться; а Богъ де есть только центръ, къ которому стремиться мы должны, не смотря на то, какимъ бы путемъ къ нему достичь; многоразличная, а не одна дорога, по которой намъ предлежитъ итти къ блаженной оной жизни. Однакъ повѣрь мнѣ, что они всѣ въ защищеній

та-

такихъ своихъ злочестивыхъ мнѣній не однимъ поступаютъ порядкомъ. Столько почти у сихъ образцовъ, сколько головъ. Иные думаютъ, что нѣтъ никакого промысла въ свѣтѣ; иные же хотя его признаютъ, однакъ говорятъ, что будто онъ нимало не обращается около богочестія или вѣры. Иные мечтаютъ, что будто нѣтъ настоящей ни лжи ни истинны, но все отъ мнѣнія и узаконенія человѣческаго зависитъ; нѣтъ ничего добраго ни худаго, нѣтъ праведнаго ни неправеднаго, и потому ни въ чемъ нѣтъ никакой подлинной истинны: но все по своему узаконенію и обычаю люди дѣлаютъ. Всякая де рѣчь другой подобной рѣчи какое нибудь имѣетъ противорѣчіе. И объ одномъ дѣлѣ между двумя спорщиками равносильныя доказательства выискиваются. Иные паки говорятъ,

рятъ, что истинна въ Демокритовомъ кладязѣ скрыта, и ничего о семъ роду человѣческому не открылъ Богъ. Иные вопреки, открылъ де Богъ, но неизвѣстно, гдѣ оное откровеніе. Иные точно сказываютъ, что Богъ открылъ истинну въ писаніяхъ, но весьма темно, такъ что нѣтъ ни единой ереси, котораябъ не изъ священнаго писанія брала свои доказательства. Иные утверждаютъ, что Богу больше пріятенъ миръ и тишина, нежели истинна. Иные иное, а всѣ за наибольшую пользу почитаютъ, которая изъ послѣднихъ сихъ рѣчей слѣдуетъ. О ежелибъ де сіе мнѣніе во всѣхъ могло вкорениться, тобы весь свѣтъ наслаждался спокойною тишиною! никаковабъ не было между народами раздора; Государи съ подданными жили бы единодушно, и земля отъ неба, онаго преблаженнаго

жи-

жилища, ни чѣмъ бы не разнствовала; куды какая выдумка предиковинная, но вмѣстѣ, какъ увидимъ, и треклятая! Ибо чрезъ оной вымыселъ, вѣра и святыня совсѣмъ къ паденію клонится, и подъ ногами лежать принуждена. Но дабы намъ сіе доказать, и прѣніе наше пасположить порядочно; то намѣрены мы нашихъ противниковъ раздѣлить на классы, и противъ всякаго поступить особенно, коихъ съ помощію Христовою и побѣдить надѣемся.

§. 8.

И такъ въ первомъ классѣ полагаемъ мы тѣхъ, кои думали, что Богъ не печется о нуждахъ человѣческихъ, каковъ былъ Эпикуръ, которой себѣ мечталъ, будто Богъ нашъ въ праздности находится, и никакой помощи [какъ съ Тертулліаномъ сказать] въ дѣлахъ че-

человѣческихъ не подаетъ, но въ превеликомъ и глубочайшемъ спокойствѣ живетъ, весь въ пресладкомъ и нечувственномъ божествѣ почиваетъ: каковымъ тотъ же Тертулліанъ описываетъ Виѳоса Валентиніанскаго бога; а то для того, что Эпикуръ за непристойность величеству божескому вмѣнялъ имѣть попеченіе о всѣхъ вещахъ въ свѣтѣ, какъ изъясняетъ о томъ послѣдователь его Люкрецій: „Всякъ де Богъ по своей натурѣ долженъ наслаждаться вѣчно всесовершеннымъ покоемъ; „поелику уединенъ и отдаленъ „отъ нашихъ дѣлъ. Ибо лишась „всякой печали, и не имѣя никакихъ опасностей, самъ собою во всемъ довольствуется, „и ничего отъ насъ не требуетъ; ни поступками нашими „утѣшается, ни гнѣвается за „нихъ„. То же думалъ и Плиній, которой всѣхъ тѣхъ осмѣивалъ,

ивалѣ, кои говорили, что самое высочайшее существо имѣетѣ попеченіе о дѣлахѣ человѣческихѣ. Сего мнѣнія мы ненамѣрены опровергать многими даводами; ибо оно всякому хоть мало внимающему, ясно кажется ложнымѣ. Такожѣ и изѣ священнаго писанія не хочется намѣ приводить доказательствѣ, хотя ихѣ безѣ числа есть; не токмо для того, что у насѣ дѣло идетѣ сѣ безбожниками, у коихѣ будучи священное писаніе вѣ омерзѣніи, никакой важности не имѣетѣ; но и для сего, что ихѣ и безѣ писанія легко можно изобличить. Самые постиннѣ доводы тѣ, которыми доказано бытіе Божіе, доказываютѣ и его промыслѣ. Ибо не льзя имѣть о Богѣ настоящаго понятія, пока мы себѣ не представимѣ, что онѣ есть всесовершеннѣйшимѣ. Какое же будетѣ его совершенство, естьли

ли онЪ совсѣмЪ не радитЪ о своихЪ дѣлахЪ, сидитЪ празднымЪ при управленіи міра, и все отдаетЪ на волю людямЪ? Когда и между людьми, кои наиболѣе о дѣлахЪ своихЪ радѣютЪ, тѣхЪ благоразумными; а кои вЪ праздности какЪ СарданапалЪ оной живучи, все во власть отдаютЪ подданнымЪ, тѣхЪ народы за самыхЪ безчестныхЪ почитаютЪ владѣльцовЪ. СамЪ разумЪ научаетЪ насЪ [говоритЪ ФилонЪ], что какЪ отецЪ, такЪ и художникЪ никогда не не радитЪ о своей должности: ибо отецЪ печется о томЪ, чтобЪ его потомство не перевелось; а строитель также старается о долговременномЪ своего зданія пребываніи, отвращая все вредное, а полезное пріискивая. Почему весьма не хорошее то мнѣніе, кое представляетЪ, что будто мірЪ сей есть какЪ бы какое общество

безъ правленія, въ которомъ нѣтъ ни начальника, ни судіи, ни предводителя. Изрядно сказалъ и Цицеронъ въ книгѣ 2 о натурѣ боговъ: „Или де отречься надобно боговъ, или, кои „ихъ принимаютъ, признаться, „что они нѣчто дѣлаютъ; да „еще и знатное, знатнѣе же „нѣтъ ничего, какъ управлять „міромъ. А ежели не такъ, „то непремѣнно должно быть „чему ни есть лучшему, и всѣхъ „боговъ сильнѣйшему и проч.„.

Пускай же не говоритъ Эпикуръ, что будто можетъ нѣчто убавиться блаженства и увеселенія божескаго, когда оно станетъ упражняться во управленіи міра сего. Ибо напротивъ того, ниже Богъ былъ бы блаженнѣйшимъ, ежелибъ при промыслѣ своемъ не могъ быть совершеннымъ. Истинное блаженство не въ томъ состоитъ,

чтобъ

чтобъ ничего не дѣлать и быть въ праздности, но болѣе въ томъ, чтобъ добро дѣлать. Тогдабъ Эпикурово прекословіе могло помѣститься съ правдою, когда бы божество со скукою и трудомъ управляло вселенною: но быть промыслительнымъ о всѣхъ, противно ли Божію благосостоянію, отъ коего все единымъ воли дѣйствіемъ совершается.

Сей божескій промыслъ доказывается еще и отъ натуры созданныхъ вещей. Понеже всякая тварь, какаябъ она не была въ свѣтѣ, поелику изъ ничего произведена, то тѣмъ самымъ ни вочтобъ обратилась, ежелибъ тоюжъ самою силою, которая ее произвела, не была сохраняема. Ибо ихъ одна сущность никакого въ своемъ понятіи не включаетъ бытія. И такъ изъ того, что онѣ теперь

есть, не слѣдуетъ, что и впредь будутъ. Сего пространнѣе мы не обьясняемъ, по причинѣ той, что и напомянуть только довольно. За симъ доказательствомъ слѣдуетъ теперь другое, кое мы приводимъ отъ предивнаго порядка, которой во всѣхъ частяхъ, міръ сей составляющихъ примѣчается. Ибо откуду сіе столь чудное, и которому надивиться не льзя, между небомъ, землею и людьми согласіе? Откуду столь пристойное частей расположеніе, столь неразрывный разносвойственныхъ вещей союзъ, и толь прекрасный всемірныхъ тварей ликъ, ежели нѣтъ никакого въ свѣтѣ управителя? Правда, многіе напротивъ [предлагаетъ нечестивецъ;] въ свѣтѣ семъ непорядки, кои иначебъ могли случиться, ежелибъ де былъ какой промыслъ. Вотъ, говоритъ, добрымъ часто бываетъ худо,

а злымЪ хорошо; цвѣтутЪ злодѣи, а угнѣтаются добродѣтельные люди: и такЪ какЪ де можно вѣрить, что БогЪ печется о землѣ, не лучше ли сказать, что дѣла наши текутЪ слѣпымЪ случаемЪ? Но кто ты таковЪ человѣкЪ, что такЪ охуждаешь то, чего не знаешь? Все ли то подлинно безпорядочно, что тебѣ только кажется безпорядочнымЪ? Не часто ли тебѣ случалось порочить великихЪ лицЪ за такія дѣла, которымЪ ты послѣ самЪ удивлялся, когда узнавалЪ ихЪ причину? Поистиннѣ ежелибЪ тебѣ дозволено было войти вЪ божескій храмЪ, илибЪ соблаговолилЪ открыть тебѣ свои тайности БогЪ; то никогда бы ты тому порядку, которой называешь безпорядочнымЪ, не могЪ довольно надивиться. И для того ты такЪ противЪ промысла божескаго и вооружаешся, что

на одно только начало человѣческой трагедіи зазсматриваешся, а конца ея подождать не хочешь. Но скажи пожалуй, подлинно ли въ семъ свѣтѣ нѣтъ ничего порядочнаго? Не столь упрямъ думаю ты, чтобъ сіе сказалъ. Инъ признаться тебѣ должно, что есть конечно промыслъ, которой все то управляетъ. Но опять ты то же твердишь, что по большой части худо бываетъ тѣмъ, которые любятъ Бога. Но почему тебѣ о тѣхъ боголюбіи, коихъ ты боголюбцами почитаешь, извѣстно, а можетъ быть въ томъ и ошибаешся, можетъ быть иной только видъ боголюбческій показываетъ; а сердце его совсѣмъ богомерзско? Развѣ то въ худо ставишь ты, что Богъ ихъ наказываетъ, какъ отецъ чадолюбивый, но сіе съ ними дѣлается или для того, чтобъ ихъ сердца отъ благополу-

лучія не отяжелѣли; или чтобъ больше отъ любви міра сего отщетились, и небесныхъ бы благъ искали; или же, чтобъ въ добродѣтельномъ житіи упражнялись, а потомъ за то вѣнецъ себѣ получили. Да и кромѣ сего, они въ самыхъ бѣдахъ великой радости не лишаются, и будучи своимъ состояніемъ довольны, лучшаго ожидаютъ. Удивляешся же ты еще и тому, что хорошо здѣсь худымъ; но почему ты сіе въ хорошее имъ ставишь? Понеже говоришь, по большой части бываютъ они благополучны. Но въ томъ ли крайнее состоитъ благополучіе, чтобъ только быть благополучнымъ? Сколько такихъ есть, кои отъ самаго преизобилія сдѣлались неблагополучными? Не смотри что убого, да живетъ хорошо; кто отцовскіе имѣетъ еще крохи. [сказалъ Горацій.]

Наконецъ, тѣхъ ли ты считаешь щастливыми, которыхъ совѣсть за худыя дѣла безпокоитъ, тайно грызетъ и мучитъ? И признаёшь ли ты тѣхъ еще за благополучныхъ, кои восходятъ на высокій степень, чтобъ оттуду упавши больнѣе ушибиться? Не говорю ужè о мýкѣ вѣчной, которая для нихъ блюдется, а ее безбожники отвергаютъ; но сію только рѣчь напоминаю Гораціеву: хоть не скоро, однакъ рѣдко безъ наказанія грѣшнику проходитъ.

Послушай же объ этомъ самомъ и Сенеку: „когда видишь, что добрые и Богу противные „люди трудятся, потѣютъ, и „нелегко на достоинство восходятъ; а злые въ роскошахъ и „увеселеніяхъ разплываются: то „подумай, что и мы честнымъ „житіемъ нашихъ дѣтей утѣшаемся, а своевольству рабовъ „уступаемъ. Первыхъ строгимъ

„на-

„ наблюденіемъ исправляемъ, а „ послѣднихъ, хоть дерзскіе въ „ поступкахъ, при себѣ кормимъ, и проч. бѣдствіе, говоритъ онъ, поводомъ есть „ къ добродѣтели; кто же по „ справедливости бѣдными таковыхъ не назоветъ, кои отъ „ чрезвычайнаго благополучія ничего не чувствуютъ, и коихъ „ одна тишина какъ на спокойномъ морѣ къ намѣренному „ концу плыть не допускаетъ?„ И такъ которыхъ Богъ искушаетъ и любитъ, тѣхъ жесточае содержитъ, развѣдываетъ, и къ подвижному житію пріучаетъ: а которымъ повидимому будто снизходитъ и прощаетъ, на горшіе будущіе мýки блюдетъ ихъ. Болѣе здѣсь доказывать о промыслѣ божескомъ, и опровергать противниковъ, кои его не пріемлютъ, нѣтъ нужды. Ибо другіе задачи ихъ безъ всякой трудности возразить могутъ.

§. 9.

Не далеко отъ сихъ и тѣ, кои хотя и не спорятъ, что Богъ промышляетъ о нуждахъ человѣческихъ; однакъ говорятъ, что будто не о всѣхъ, только де о великихъ, а не о малыхъ, то есть: о государствахъ, о республикахъ, а не о томъ, что до богочестія или вѣры надлежитъ. И потому у нихъ все равно, чемубъ люди ни вѣрили. Но что сіе неправда есть, удобно доказать можно. И подлинно; то ли самая малая вещь, что къ Божію надлежитъ почитанію? Развѣ больше Богъ о чемъ иномъ печется, нежели о самомъ важнѣйшемъ богопочитанія дѣлѣ? Вѣроятно ли сіе, чтобъ Богъ, все прочее самъ управляя, свой законъ, по которому его должно почитать, на волю человѣческую отдалъ? Все ли то одно, почитать Бога подъ видомъ неразумнаго живот-

вотнаго; и изображать его иногда съ чешуею, иногда же съ рогами, а иногда въ золото претвореннаго, какъ то язычники идоловъ своихъ представляли? Нѣтъ! не льзя такъ о всесовершенномъ существѣ божескомъ и подумать! ибо, ктобъ назвалъ Государя того разумнымъ, которой бы великолѣпный состроилъ себѣ домъ, города̀ свои укрѣпилъ, подданныхъ своихъ богатилъ, но позволилъ бы имъ повиноваться себѣ по своему ихъ изволенію, и безъ разбору себя писать подъ видомъ осла или свиньи? Какъ же смѣть людямъ о Богѣ толь премудромъ такія рѣчи произносить, которыхъ и о разумномъ человѣкѣ говорить не льзя?

Поистиннѣ, ежели Богъ не печется о дѣлахъ, къ почитанію его принадлежащихъ, то удивительно для чего тѣ же сами

ка-

какимъ нибудь образомъ его почитаютъ, кои объ немъ такъ думаютъ. Для какой же они пользы и молятся и благодарятъ, когда по ихъ мнѣнію ни на молитву ни на благодареніе Богъ не взираетъ, ниже гнѣвается тогда, какъ его не почитаютъ? Сіе доказательство написалъ и Цицеронъ въ книгѣ 1. о натурѣ боговъ: „есть де „и были философы, кои ду„маютъ, что боги вовся ника„кова не имѣютъ раченія о „нуждахъ человѣческихъ; ко„ихъ естьли справедливое мнѣ„ніе, то какое ужъ можетъ „быть благоговѣніе, какая свя„тость? и проч„.

Но куды жалко тѣхъ людей, кои хотя и знаютъ христіанство, однакъ слѣпяе язычниковъ стали, и потому отъ насъ большаго опроверженія не достойны.

§. 10.

§. 10.

Во второмъ классѣ полагаемъ тѣхъ, кои мечтаютъ себѣ, якобы душа есть смертна, и вкупѣ съ тѣломъ пропадаетъ, или по крайней мѣрѣ не надобно де по смерти ничего бояться; и суда того, о которомъ обще говорятъ, никакого не будетъ; все то одни басни, что о раѣ, что объ адѣ увеличиваютъ; слово въ слово, какъ Еллинскіе о Елисейскихъ поляхъ и Ахеронтѣ расказчики, такъ и нынѣшніе, кои о богочестіи головы свои сушатъ, безумны суть.

Удивительно, что между Христіанами находятся такіе люди, кои толкуютъ о душѣ, будто она смертна есть; когда и самые язычники, кромѣ только нѣкоторыхъ скотоподобныхъ Эпикуровъ подражателей, совсѣмъ противно учили. Ибо

лучше

лучте прехожденію душъ изъ одного тѣла въ другое вѣрили, нежели смертность душй принимали. Сіе видно какъ изъ стихотворца Гомера, такъ и изъ философовъ не только Греческихъ, но и Французскихъ древнихъ, такожъ Индійскихъ и Египетскихъ; да и послѣдніе Товпинамбулцы, по объявленію историковъ, о безсмертіи душй, вѣрили же. Знать то, кои смертную душу поставляютъ, никогда о естествѣ ея не помышляли; которая поелику есть существомъ простая, веществу непричастная, изъ частей несложная, то потому никогда и погибнуть не можетъ.

Сіе доказательство обрѣтается и у самаго Цицерона въ книгѣ первой Тускуланскихъ вопросовъ. „Никакъ не льзя намъ „сомнѣваться [говоритъ онъ] „въ понятіи душй, развѣ самые

„были

„были бы мы невѣжи въ натуральной наукѣ, потому, что
„въ душѣ нѣтъ никакой смѣси,
„нѣтъ сложенія и связанія,
„нѣтъ прибавки и усугубленія.
„Ежели же она такова есть, то
„поистиннѣ не льзя ей ни различиться, ни раздѣлиться, ни
„раздраться, ни разсыпаться,
„слѣдовательно и погубнуть ей
„не возможно." Ибо погибель подобна есть лишенію или отдаленію тѣхъ частей, которые прежде погибели нѣкоторымъ союзомъ между собою соединены были.

Слѣдовательно вѣрить, что душа человѣческая на подобіе огня или вѣтра съ дыханіемъ и теплотою при смерти въ человѣкѣ изчезаетъ, есть не токмо начинающееся, но самое совершенное безуміе. Ибо кто можетъ, будучи въ здравомъ разумѣ, сіе сказать о существѣ та-

такомъ, которое понятіе имѣетъ? то есть, о душѣ къ изобрѣтенію тщаливой, къ понятію удобной, къ изученію скорой, которая прошедшее помнитъ, настоящее понимаетъ, а будущее предвидитъ; еще же многіе вещи и науки въ себѣ вмѣщаетъ, и никакой нечисти и бреннаго земнаго состава не имѣетъ, какъ говоритъ Лактанцій: „въ ней къ „безсмертію врожденное желаніе, и хотѣніе безконечное, „которое ни чѣмъ кромѣ вѣчнаго добра удовольствоваться не можетъ.

Не извольте же напротивъ того представлять, будто не возможно понять, какимъ образомъ тѣло погибаетъ, а душа остается безсмертна: понеже де она столь тѣсно съ тѣломъ связана, что голодъ, жажду, скорбь, утѣшеніе, любовь, ненависть въ немъ и вмѣсто его чув-

чувствуетъ. Ибо тогдабъ сіе противорѣчіе мѣсто свое имѣло, когдабъ душа и тѣло одной съ собою натуры были. Но понеже душа отъ тѣла совсѣмъ отлична, и безъ тѣла, и внѣ тѣла еще совершеннѣе разсуждаетъ: то и понять всякому удобно, что она и безъ тѣла пребывать можетъ.

Но для устойки своей еще скажетъ безбожникъ, что душа непремѣнно имѣетъ уничтожиться. Однакъ насъ кромѣ того, что замѣтили ужѐ новѣйшіе философы, никакой доводъ, нижѐ примѣръ, не можетъ увѣрить, чтобъ когда какое нибудь существо могло ни вочто обратиться. Откуду же и чѣмъ докажутъ, чтобъ Богъ такъ хотѣлъ душѣ упраздниться, кто имъ сіе открылъ? И такъ когда о семъ ничего извѣстнаго предложить не могутъ; то не-

 край-

крайнее ли безуміе есть, такЪ жить, какЪ бы ихЪ душа имѢла сЪ тѢломЪ пропасть? О сколько бы противнаго сему открылось, ежелибЪ они вЪ священное писаніе заглянули, кое на многихЪ мѢстахЪ безсмертіе души обЪявляетЪ!

О вракахЪ же ихЪ, кои намЪ безсовѢстно вмѢняютЪ, когда говорится о будущей жизни, о судѢ, о раю и адѢ, чтобЪ нѢсколько поговорить: [ибо не хочется пространно о сей матеріи разсуждать] то спрошу ихЪ только, *подлинно ли они безЪ* всякаго сомнѢнія утвердить могутЪ, что все сказуемое о будущемЪ судѢ и будущей жизни басни суть? ВѢрятЪ ли тому, что противно есть совершенству божескому не отмстить тѢмЪ, кои слушаться его всегда отказывались, кои противЪ его величества столько богохуль-

хульствѣ произносили; а онѣ однако ихѣ еще ни мало здѣсь наказать не благоволилѣ? Больше ли пристойно Богу быть милостивымѣ, какѣ правосуднымѣ? Пускай себѣ говорятѣ противники, но только мы имѣ не допустимѣ, что будто сей доводѣ не столько важенѣ и силенѣ, чтобѣ могѣ доказать будущій оный судѣ; однако имѣ признаться надобно, что онѣ наводитѣ имѣ сомнительство. Еще прошу ихѣ разсудить, подлинно ли басни то, чему здравой разумѣ и совѣсть всѣхѣ научаетѣ? Ибо откуду тѣ страхи и грызенія, откуду безпрестанныя внутрь и внѣ терзанія, кои день и ночь таковыхѣ же пребеззаконныхѣ дѣтей, какѣ и ихѣ были родители, мучатѣ? Откуду снѣденія совѣсти, которую ниже самые пребездѣльнѣйшіе мучители, хотя и оченѣ желали, однакѣ истребить вѣ

себѣ не могли? Какъ свидѣтельствуетъ Тиверіево къ Сенату письмо, въ коемъ объявляетъ, что онъ всякой день ожидалъ погибели на себя. Такимъ-то, говоритъ Тацитъ, мученіемъ были ему его злодѣйства и беззаконія. Объяви же намъ пожалуй и ты, откуду сіе? Ежели скажешь, что отъ застарѣлыхъ предразсудительныхъ мнѣній; то и я говорю, что сіе произходитъ отъ страху грядущаго суда. Скажутъ мнѣ, что я ошибаюсь; однакъ моя не столь еще явна ошибка, чтобъ объ ней престалъ кто сомнѣваться.

Наконецъ, ежели все сіе басни, Христіанами выдуманные, то откуду то, что и язычники объ этомъ же вѣдали, кои столько повымышляли о Рамнузіи богинѣ, что будто она добраго и злаго мстительница; и будто Еакъ, Миной, Радамантъ имѣ-

имѣютъ быть преисподнихъ судьями? Сюдажъ принадлежитъ и то, что пишетъ Страбонъ о Индійскихъ Брахманахъ въ книгѣ 15. коихъ было такое мнѣніе: жизнь сію должно де почи„тать какъ состояніе зачавша„гося во утробѣ младенца; а „смерть какъ бы настоящее „рожденіе къ той жизни, ко„торая самая истинная и пре„блаженная есть; но для тѣхъ „только людей, кои добро дѣ„лали, и слѣдовали своему бла„горазумію. О чемъ и больше начитать можно у тогожъ Автора, наипаче о судахъ, происходящихъ во Адѣ.

И такъ изъ всего оказалось, что безбожники по крайней мѣрѣ въ сомнѣніи находятся, и враки ли мы имъ говоримъ, не доумѣваются; а сего съ насъ и довольио. Ибо наружу теперь вышло, что они въ такомъ со-

стояніи обращаются, что и сами, по собственному своему признанію, совершенно не знаютъ, вѣчно ли они будутъ погибать, что себѣ за беззаконія давно ужѐ заслужили: или совсѣмъ ни во что обратятся? Но какое безуміе, и какое буйство дѣлать то, что тебя повиннымъ дѣлаетъ вѣчной казни, когда есть судъ; а не хотѣть исполнять того, чрезъ что ты можешь всякой бѣды избыть; и ежели кто сего не исполнитъ, не будетъ участникъ вѣчнаго блаженства, которое подлинно естьли есть, то и ожидать его должно.

И такъ довольно сего для доказательства не токмо о душѣ, что она есть безсмертна, но что будетъ и послѣдній судъ. Хотя же бы мы и не столь спорили противъ противниковъ, коимъ и уступать не надлежитъ,

житЪ, что будто умираетЪ ли душа, и будетЪ ли какой судЪ, не извѣстно: однакЪ честный и здраворазсудный человѣкЪ долженЪ всегда такЪ жить, какЪ бы о томЪ былЪ совсѣмЪ извѣстенЪ. И для того подЪ симЪ подлогомЪ, не льзя защищать, якобы вѣры между собою никакого не имѣютЪ различія.

§. 11.

ВЪ третьемЪ классѣ полагаемЪ тѣхЪ, кои думаютЪ, яко бы нѣтЪ никакой правды, то есть, ни истиннаго, ни ложнаго, ни праведнаго, ни неправеднаго; и такЪ, вольно де всякому по своему нраву какую хотѣть держать вѣру. Но о Боже мой! ктобЪ повѣрилЪ, чтобЪ вЪ нынѣшнія времена могли такіе люди проявиться, кои бы СцептицизмЪ и ПирронизмЪ ввели вЪ вѣру. НѣтЪ де ничего истиннаго; инЪ хотя то у нихЪ

должно быть истинно, что нѣтъ ничего истиннаго. Кромѣ же сего, не истинно ли это: что кто такъ говоритъ, тотъ находится въ свѣтѣ; что дважды два, есть четыре; что цѣлое больше есть своей части.

Нѣтъ, говорятъ наши Адіафористы, о семъ не споримъ, но о вещахъ, до вѣры принадлежащихъ. Ну хорошо, что пристаютъ на какую ни есть истинну. А это же не будетъ ли истинна, что Богъ есть существо совершенное, премудрое, всемогущее, преправедное: да и не лучшель вѣрить сему, нежели какъ сказать, толькобъ безъ хулы на Бога, будто существо оное божеское несовершенное, невсемогущее, неправедное. Пускай такъ будетъ, скажетъ нашъ Сцептикъ. А когда же такъ, то неистинно ли и сіе, что Бога почитать надобно, да еще

такимъ почтеніемъ, какое божеству его прилично. И сего отвергать противники наши не смѣютъ. Такъ явная ужè ложъ ихъ стала, что будто нѣтъ ничего истиннаго. И подлинно, всякая предлагаемая рѣчь неотмѣнно должна быть истинная или ложная. Истинная, когда о вещи какой, что надобно подтверждать, то подтверждаетъ; а что надобно отрицать, то отрицаетъ. Ложная же напротивъ, что не надобно, то подтверждаетъ, или что надобно оное отвергаетъ.

Но скажетъ спорщикъ нашъ: всякой рѣчи, другая рѣчь такой же силы бываетъ противна; и объ одномъ дѣлѣ съ противныхъ сторонъ находятся равносильные доводы. Не спорю, что о многихъ матеріяхъ съ обѣихъ сторонъ такія предлагаются задачи, кои иногда такъ

Пушкин... библиотека

мысль разбиваютъ, что не можно знать на какую сторону должно склониться. Но сіе тогда случается наипаче, когда человѣкъ о тѣхъ вещахъ, кои ему предлагаются, необстоятельно разсуждаетъ. Еще же и тому не прекословлю, что нѣкоторые философы самыя очевидныя и почти всѣмъ извѣстныя вещи опровергали. Сыскались было и такіе, кои движеніе тѣлъ отметали, и проч. но по тому принимать не слѣдуетъ, чтобъ всякой рѣчи рѣчь равносильная противиться могла. Иногда люди нарочно умъ свой оказываютъ, и вещи, о коихъ всѣ не спорятъ, обманными доводами затемнить стараются. Но кто же скажетъ, чтобъ сей обманъ и ложъ могли равную вѣроятность имѣть съ тою правдою, которую другая сторона въ неоспоримое доказательство представляетъ?

А что напротивъ Сцептики наши предлагаютъ о нашемъ разумѣ, что онъ не долженъ скоро давать своего разсужденія о вещахъ предлагаемыхъ, дабы тѣмъ не попасть въ прошибку: то хотя и сіе справедливо, однакъ оттуду не слѣдуетъ наводить, якобы нѣтъ ничего въ свѣтѣ истиннаго.

Впрочемъ, что говорили мы объ истиннѣ, тожъ самое говоримъ о справедливости и несправедливости, то есть, непремѣнно имѣется нѣчто такое, кое бываетъ въ себѣ праведное и неправедное: такожъ необходимо нужна между добрымъ и злымъ, и между честнымъ и безчестнымъ разность. И поистиннѣ такъ. Ибо ежелибъ у людей никакого не было различія, тобъ и въ грѣхъ не льзя ставить тѣмъ, кои святая крадутъ, родителей убиваютъ, и хулу

хулу на Бога говорятЪ. Все равно будетЪ, хоть люби Бога, хоть клени его; да и родителямЪ хоть честь воздавай, хоть вЪ грудь ножЪ вонзи Кто на сіе не содрогнется? Не говори же мнѢ и того, что будто сей страхЪ происходитЪ отЪ предразсудительныхЪ мнѢній, кои намЪ внушены отЪ нашихЪ родителей. Ибо ежелибЪ сіе такЪ было, то для чего всѢ почти народы, коихЪ не одно было воспитаніе, вЪ этомЪ согласны?

Но дабы на нихЪ сильняе намЪ наперетъ, спрашиваю у нихЪ: должны ли они разуму своему повиноваться, или нѢтЪ? Ежели не должны, то разумЪ имЪ совсѢмЪ не надобенЪ; напрасно ихЪ натура разумными устроила, и впредь они вЪ родѢ человѢческомЪ недостойны людьми считаться: ежели же должны, то худо дѢлаютЪ, кои ему не по-

повинуются; и такъ наша правда доказана, что есть между добрымъ и злымъ различіе.

Да и того подъ исключеніе не наводи, что разумъ одному человѣку показуетъ за доброе, а другому то же самое за худое. Ибо сіе по той причинѣ случается, что здраворазсудный умъ имѣя за основаніе всѣхъ согласіе, представляетъ нѣкоторыя вещи добрыми или худыми: но изъ сего токмо то заключается, что не всѣ люди могутъ точно различить доброе отъ худаго; а чтобъ во́вся не было ничего добраго или худаго, отнюдь доказать не возможно.

Однакъ еще ихъ спрошу: должна ли тварь что нибудь своему творцу, или не должна? Чтобъ не была она должна, сего сказать никто еще не посмѣлъ;

смѣлъ; ежели нѣчто должна, то обязана оное и исполнять; ежели же обязана, то худо дѣлаетъ та тварь, которая сей должности своей не исправляетъ. И такъ надлежитъ принять за истинну, что есть между добромъ и худомъ различіе; а на ложномъ основаніи утверждаются, кои ласкаютъ себя тѣмъ, якобы ничего нѣтъ въ свѣтѣ истиннаго, почему де и между вѣрами не должно быть никакому различію.

§. 12.

Въ четвертомъ классѣ отъ насъ полагаются тѣ, кои хотя не спорятъ, что есть нѣчто истинное или ложное; но говорятъ, будто бы истинна людямъ совсѣмъ не извѣстна, и въ кладезѣ Демокритовомъ скрыта: и такъ де не надобно разбирать, какуюбъ мы вѣру ни содержали, по причинѣ той, что

что якобы мы не знаемъ, на которой сторонѣ больше правды имѣется.

Но чтобъ и намъ удобнѣе ихъ мнѣніе опровергнуть, то вопервыхъ надлежитъ сіе примѣтить. Не правду они говорятъ, будто людямъ совсѣмъ истинна безвѣстна: ибо отъ насъ ужѐ доказано, что многія истинны въ свѣтѣ имѣются извѣстны. И подлинно, удивительнобъ было, ежелибъ Богъ далъ человѣку способной разумъ къ понятію истинны, а никакой бы истинны ему не открылъ. Такъ точно, какъ бы давъ человѣку глаза, а свѣта никакого бы не сотворилъ, на которой бы онъ могъ глазами своими смотрѣть. Лучше же признаться надобно, что безчисленныя вещи и къ знанію весьма нужныя, не были бы людямъ извѣстны; естьлибъ Богъ своимъ особливымъ открове-

ве-

веніемЪ помощи вЪ томЪ имЪ не подалЪ. Которое откровеніе и самые язычники за нужное признали, какЪ СофоклЪ написалЪ: „чего БогЪ не откроетЪ, „того никогда не узнаешь, „хотя бы ты все вЪ свѢтѢ пере„смотрѢлЪ„.

И такЪ кЪ доказательству дальшему не надобно намЪ многихЪ доводовЪ, понеже вещь сія весьма извѢстна. Да кому и не явно, что таинствЪ на примѢрЪ святыя Троицы, воплощенія и воскресенія Христова, не токмо умЪ человѢческій, но и Ангельскій никогда бы не выдумалЪ, ежели бы самЪ БогЪ открыть не соблаговолилЪ. КакЪ же и вЪ томЪ никто спорить не можетЪ, что одному разуму безЪ откровенія совсѢмЪ неизвѢстно, какимЪ образомЪ БогЪ умилостивиться, а человѢкЪ сЪ нимЪ примириться можетЪ: хотя

хотя онъ и знаетъ нѣсколько, что надлежитъ Бога умилостивлять, поелику человѣкъ безъ грѣха не живетъ, Богъ же за то безъ раздраженія не бываетъ.

Да и о состояніи души по смерти многобъ намъ не извѣстно было, естьлибъ объ ономъ не имѣли мы откровенія, хотя и природный разумъ удостовѣряетъ насъ о ея безсмертіи. Почему и Сократъ предъ самымъ временемъ, какъ имѣлъ смертную чашу съ цикутою выпить, такъ къ друзьямъ своимъ сказалъ: „ Ну пора ужè „ мнѣ отсюду прейти и уме„ реть, а вамъ еще жить. Но „ лучше ли будетъ тамъ, Богъ „ вѣдаетъ, а я думаю, что „ того ни одинъ человѣкъ не „ знаетъ „. Однако же мы совершенно о семъ можемъ быть увѣрены, естьли съ одной стороны откровеніе пріимемъ за нужное, а съ другой разсудимъ,

 сколь-

сколько Богъ въ семъ случаѣ насъ не оставилъ, но все нужное человѣку открылъ. Ибо, когда Богъ человѣка на тотъ конецъ создалъ, чтобъ онъ его познавалъ и почиталъ; а дабы и человѣкъ созданной не могъ на премудрость божескую причины возлагать, естьлибъ Богъ о себѣ ни ему понятія никакого не далъ, ни другому народу богослуженія способовъ не открылъ: то обо всемъ томъ яко отецъ премилосердый, и всякаго добра неизчерпаемый источникъ, весьма премудро въ священныхъ ветхаго и новаго завѣта книгахъ объявилъ.

§. 13.

Но божескаго ли суть сіи книги изданія, великое сомнѣніе имѣютъ наши противники. Скажи же мнѣ пожалуй, кто бы таковъ ты ни былъ, который не признаéшь ихъ за божескія,

скія, чегобъ ты въ откровеніи божіемъ требовалъ, а въ нихъ бы того не находилъ? Сверьхъ сего, кто ту книгу за богопреданную не почтетъ, которая такія тайны открываетъ, коихъ не токмо умъ человѣческой, больше къ бездѣлицамъ да суевѣрію, нежели къ понятію небесныхъ вещей склонной, но ниже Ангельскій могъ выдумать; а однако тѣ тайны съ онымъ знаніемъ, кое разуму человѣческому естество, или лучше сказать самъ естества Творецъ вліялъ, весьма согласны: которая изъясняетъ то, что разумъ человѣческой несовершенно понималъ; и учитъ твердо тому, что разуму воображается чрезъ понятіе: которая такъ умъ нашъ наставляетъ, что уже ненасытное оное ко ученію желаніе, кое намъ отъ естества дано, успокоевается, толькобъ не было въ человѣческомъ разумѣ зло-

сти и упрямства: которая служеніе наше, какЪ внѣшнее, такЪ и внутреннее кЪ истинному Богу единственно управляетЪ: которая предлагаетЪ намЪ законЪ божій и волю его, за самое собственное дѣяній нашихЪ пра́вило: и которая предписываетЪ такія должности вЪ разсужденіи Бога и человѣка, коихЪ нѣтЪ нигдѣ святѣе, и коимЪ подобнаго, какЪ вЪ законахЪ Ликурговыхъ и ДраконовыхЪ, такЪ вЪ пра́вилахЪ СтоическихЪ и во всѣхЪ философическихЪ опредѣленіяхЪ ничего найти не можно: которая ни кЪ чему насЪ такЪ не понуждаетЪ, какЪ только, чтобЪ Бога преблагаго любили, и почитали паче всего, а ближнихЪ своихЪ какЪ самихЪ себя: которая велитЪ людямЪ, чтобЪ отвергшись себя самихЪ, и самой корень пороковЪ истребивЪ, то есть все злое вожделѣніе, помыслЪ и похоть, всякой

кой взоръ прелестной и всякъ видъ грѣха прочь отъ себя отдаливъ, единому служили Богу: которая человѣку, на всякое беззаконіе отъ поврежденнаго естества своего стремящемуся, показываетъ средства, какимъ образомъ надлежитъ ему примириться съ Богомъ; то есть, не чрезъ подлое и ни къ чему годное скотовъ приношеніе, ни чрезъ скверныя и мерзкія страсти, нижѐ чрезъ другія смѣхотворныя тѣлодвиженія: но чрезъ безцѣнную кровь воплотившагося Бога. Которая во всемъ всегда непоколебима, и сама съ собою сходна такъ, что нѣтъ никакого въ ней несогласія, хотя въ разныя времена и отъ различныхъ писателей написана. Въ которой содержатся пророчества весьма знатныя, кои въ свое время ужѐ исполнились. И которая заключаетъ въ себѣ такое ученіе, кое укрочаетъ

всѢ страстныя движенія, мыслей волнованіе и печаль усмиряетЪ; отчаянныя души утѢшаетЪ, тишину и радость несказанную подаетЪ; вѢру и благоговѢніе вЪ читателяхЪ родитЪ; и такЪ пронзаетЪ сердца̀ ихЪ, что однажды совершенно вкоренившись, никакія его заблужденія повредить, никакія науки обезсилить, никакое забвеніе загладить; и ни надежда своимЪ ласканіемЪ обольстить, ни мучительство всѢми своими орудіями отнять не могутЪ. Да оно же премногими еще и чудесами утверждено, кровію мученическою запечатано, и даже до нашихЪ временЪ сохранено обрѢтается; хотя сатана и мірЪ сЪ нимЪ всегда о томЪ, чтобЪ его истребить, всячески старались. НапротивЪ же того человѢческія выдумки, толь слабы и ненадежны, что почти подлежатЪ ежечастнымЪ перемѢ-

намЪ,

намъ, слово въ слово такъ, какъ Горацій сказалъ о словахъ употребляемыхъ: „Какъ де „листъ въ лѣсахъ всякой годъ „опавъ, перемѣняется, такъ „старинныхъ вѣковъ нарѣчіе „пропадаетъ. Всѣ мы, и все „наше смертной перемѣнѣ под„вержены.

И подлинно, ежели сіе дѣло не есть Божіе, то я не знаю, чтобы такое было Божіе. Не такъ солнце, пресвѣтное оное свѣтило своимъ свѣтомъ сіяетъ, и не такъ драгоцѣнной камень, или алмазъ блистаніемъ своимъ свѣтитъ: какъ священное писаніе многоразличнымъ въ себѣ содержаніемъ показываетъ свое первоначаліе. Столько въ немъ блистаетъ свѣтилъ, и столько имѣетъ о своемъ богоизданномъ сочиненіи свидѣтелей, сколько заключаетъ въ себѣ словъ. Изъ чего явствуетъ, что Богъ о

себѣ людямъ открылъ, и тое откровенiе содержится въ священномъ писанiи; о чемъ должность наша была и доказать.

§. 14.

Пятой классъ есть тѣхъ, кои говорятъ, будто бы священное писанiе такъ темно, что не возможно изъ него понять, какое бы имъ должно было больше исповѣданiе вѣры содержать. И потому говорятъ они, нѣтъ почти ни одной ереси, которая бъ о себѣ не хвастала, что она изъ священнаго писанiя свои приняла погрѣшности. И такъ, хотя де Богъ и открылъ людямъ о себѣ: однако ему непротивно къ какой бы кто ни присталъ вѣрѣ. Якобы для того, что всѣ сколько есть на свѣтѣ вѣръ, могутъ доказаны быть изъ священнаго писанiя. Но ктобъ слыша сiе не ужаснулся? Развѣ у нихъ слово

божіе есть на подобіе Сивиллиныхъ отвѣтовъ? Развѣ Духъ святый сталъ быть обоюдогадательный Аполлонъ; а писатели его богодухновенные хитрецы, обманщики и лже-пророки? Развѣ церковь, гдѣ слово божіе проповѣдуется, есть языческое капище, или темная оная роща? Ахъ не дай Богъ, чтобъ такъ кто изъ насъ говорилъ? Однакъ сіи мудрецы много здѣсь лжи затѣяли.

1.) Будто священное писаніе такъ темно, что якобы не возможно изъ него совершенно узнать во что надобно вѣрить, и какія дѣла исполнять. И подлинно, ежелибъ сіе было по ихъ мнѣнію, то на какую бы пользу далъ намъ Богъ свое писаніе, когда оно темнѣе Делфическихъ. Аполлоновыхъ прорицаній, и когда изъ него ничего точнаго въ доказательство не возможно

 при-

привесть? А мы примѣчаемъ, что Богъ не на иной конецъ свое слово писанію благоволилъ предать, какъ только чтобъ оно было правиломъ вѣры и добрыхъ дѣлъ; но какое то правило, котораго никто не разумѣетъ: или естьли, повѣривъ противникамъ нашимъ, станемъ называть его съ ними вощанымъ носомъ, мечемъ обоюднымъ, башмакомъ Ферамѣновымъ на всѣ стороны обращаемымъ, ножнами всякой въ себя мечь хотя и свинцовой вмѣщающими? Развѣ Богъ, или не могъ яснѣе о себѣ людямъ открыть, или не хотѣлъ? Чтобъ онъ не могъ, сего никто не скажетъ: ибо чего не можетъ Отецъ свѣтовъ, которой положилъ солнце на тверди небесной, чтобъ освѣщало всю вселенную? Также что будто Богъ не хотѣлъ, и сего сказать неприлично же. Ибо какая бы тому могла причина

быть,

быть, чтобЪ БогЪ будучи ОтцемЪ преблагимЪ, не захотѣлЪ открыть свою волю чадамЪ своимЪ, дабы они удобнѣе повиновались ему? Правда, чтобЪ ничего не было темнаго вЪ священномЪ писанiи, того и изЪ насЪ никто не говоритЪ. Понеже мы совершенно знаемЪ, что священное писанiе имѣетЪ вЪ себѣ свои глубины и не удобь понятые разумы. Но сему такЪ быть, для того благоволилЪ БогЪ, пабы неразумiе наше изобличить, лѣность истребить, скуку прогнать, гордость смирить; а болѣе всего, чтобЪ вЪ насЪ горячесть кЪ моленiю, прилѣжанiе кЪ чтенiю, смиренномудрiе кЪ богомыслiю возбудить и поощрить.

Но сверьхЪ всего того еще доказываемЪ, что самыя нужные кЪ спасенiю члены, явно и ясно вЪ немЪ преподаются. Ибо

на

на примѣрѣ: не ясно ли, и не безсумнительными ли словами учитѣ священное писаніе, что Богѣ есть единѣ, что онѣ вѣчный, неизмѣримый, преблагій, премудрый, всемогущій и праведный; что единымѣ его мановеніемѣ и повелѣніемѣ весь мірѣ сей какѣ сотворенѣ, такѣ и теперь управляется; что человѣкѣ вѣ самомѣ начатіи міра по образу и по подобію Божію созданѣ, но изѣ онаго благополучія за преступленіе свое изпалѣ, и всѣхѣ своихѣ потомковѣ учинилѣ грѣху рабами: Богѣ же надѣ родомѣ человѣческимѣ умилосердившись послалѣ на землю единороднаго Сына своего Іисуса Христа; и оный Сынѣ Божій, который отѣ вѣка купно со Отцемѣ пребываетѣ, принялѣ на себе плоть вѣ преблаженномѣ дѣвическомѣ чревѣ, распятѣ былѣ, погребенѣ, воскресѣ, и послѣ на небеса вознесся;

нессяꙿ; и такЪ своею смертію правосудію Божію совершенно удовлетворивЪ, спасеніе вѢчное намЪ исходатайствовалЪ, о прочемЪ здѢсь не упоминаю, что также ясно содержится вЪ священномЪ писаніи, какЪ то на примѢрЪ написанное вЪ десятословіи и вЪ Господней молитвѢ. Откуду явно, что святый ДухЪ, по свидѢтельству Августинову, такЪ умѢренно священное писаніе расположилЪ, что ясными мѢстами гладныхЪ насыщаетЪ, а труднѢйшими пресыщатись возбраняетЪ.

2) Неправду говорятЪ и вЪ томЪ, будто всякая ересь можетЪ доказана быть изЪ священнаго писанія. Знаю подлинно, что еретики изЪ священнаго писанія свои доказательства берутЪ, дабы тѢмЪ самимЪ удобнѢе могли неосторожныхЪ прельстить. Но сіе имЪ вЪ защи-

щищеніе не вмѣняется, потому что они худо тѣ свои доказательства выводятъ; и болѣе сами отъ того же священнаго писанія опровергаются, какъ то на примѣръ: Савелій, Арій, Несторій, Евтихій, Македоній, Социнъ и другіе подобные. Еще же и то между ими водится, что когда ихъ изъ священнаго писанія обличаютъ, то тогда они на оклеветаніе самаго писанія обращаются, какъ святый Ириней въ свои времена примѣтилъ, и какъ всегдашній опытъ доказываетъ. И такъ сего довольно къ раззоренію гнилаго основанія нашихъ Адіафористовъ.

Одно только сіе здѣсь еще предложу, что еретическія усилія и предпріятія, коими стараются они священное писаніе на защищеніе свое превратить, не должны насъ отвращать отъ

чтенія святаго писанія. Ибо по этому и самаго разума не надлежало бы намъ употреблять, понеже и его на зло многія употребляютъ: но паче того намъ оберегаться надобно, чтобы мы не ослабѣли отъ нерадѣнія и отъ скуки; или чтобы для закоснѣлыхъ мнѣній отъ настоящаго пути не отставали; или что бы по страстямъ наипаче надежды и боязни не поступали мы; а особливо, чтобъ скоро нашего разсужденія ни на что не подавали.

§. 15.

Шестой классъ слѣдуетъ тѣхъ, кои хотя признаютъ, что истинна въ священномъ писаніи очень явно изображена: однако столь еще слѣпо видятъ что не перестаютъ защищать, якобы между вѣрами никакой нѣтъ разности. Но напротивъ ихъ такое прѣніе предпріемлемъ:

лемъ: ежели истинна всегда должна предпочтена быть паче лжи, и ежели оную познавши, обязуемся хранить крѣпко; то слѣдуетъ, что человѣку не все должно быть равно, какъ бы онъ законъ ни исповѣдывалъ: но первое предложенiе наше истинное: убо такоежъ и послѣднее. Первое говорю потому истинное, понеже есть всякому явное: ибо когда вѣры между собою противны суть, и одна другую порицаетъ лживою; то надобно, чтобъ въ одной вѣрѣ была истинна, а въ другой ложъ: и такъ ежели истинну должно предпочитать лжи, то надлежитъ въ той пребывать вѣрѣ, въ которой признаемъ самую сущую истинну, а отъ другихъ уклоняться. Также и второе наше предложенiе весьма ясно. Ибо ктобъ таковъ былъ, которой бы предпочелъ ложъ истиннѣ.

Еже-

Ежелибъ Богъ намъ извѣстилъ, въ какой именно сектѣ философической истинну найтить можно, то ктобъ къ сниисканію оной всего себе не предалъ; да кто же ее и теперь не ищетъ? А ежели сіе справедливо въ вещахъ философскихъ, кои мало важности въ себѣ имѣютъ, то несправедливѣе ли будетъ въ вещахъ къ богопочитанію и вѣрѣ принадлежащихъ; а наипаче когда намъ самъ Богъ открылъ, что есть истинно, и что ложно? что ему пріятно, и что противно? А какъ правду сказать, то любленіе къ истиннѣ сродно есть всѣмъ отъ натуры, не выключая и самыхъ младолѣтныхъ рабятъ. Она въ такомъ почтеніи была у язычниковъ, что какъ пишетъ Плутархъ, ни человѣкъ лучшаго отъ Бога получить, ни Богъ достойнѣйшаго дара человѣку дать не можетъ,

какѣ истинну. Она едина и сожительницею и вскормительницею боговѣ у Стобея названа, который пишетѣ, что Волхвы изѣ боговѣ главнѣйшаго Орамазда уподобили тѣломѣ свѣту, а душею истиннѣ. Она у Грековѣ Царицею наречена по свидѣтельству Климента Александрійскаго, кои по изобрѣтеніи ея сточисленными жертвами своимѣ богамѣ благодарили.

И такѣ кто бы сему не удивился, что между Христіанами вѣ наши времена явились такіе люди, кои не стыдятся вѣ дѣлѣ, касающемся до вѣры, больше ложѣ, нежели истинну почитать, хотя во всѣхѣ другихѣ вещахѣ истинну выше лжи поставляютѣ? Но тѣмѣ еще тяжелѣе ихѣ грѣхѣ, что истинны презрѣть не можно безѣ презрѣнія самаго ея Творца, и что лжи отецѣ есть діаволѣ; то

когда

когда истинна презирается, тѣмъ самимъ больше діаволъ Богу предпочтенъ бываетъ. О лютаго ихъ беззаконія! что будутъ отвѣтствовать на сіе наши Адіафористы.

Отвѣчаютъ однакъ вопервыхъ напротивъ сего, якобы нѣтъ ни единой вѣры, которая бы какой нибудь истинны не признавала, и такъ де не больше почитаютъ ложъ отъ истинны, кои, какъ случай потребуетъ, вмѣсто истинны своей вѣры, другія новыя принимаютъ. Но сей ихъ отвѣтъ весьма съ благопристойностію несходенъ; понеже въ немъ явная ложъ есть, что будто тѣ люди не предпочитаютъ ложъ истиннѣ; кои безъ разбору ко всякой пристаютъ вѣрѣ. Ибо во всѣхъ прочихъ вѣрахъ первыя оныя истинны, о которыхъ они говорятъ, столь многими погрѣшно-

ностями затемнены, что едва ихъ и познать можно. Да и кромѣ сего, упоминаемыя оныя истинны никакой вѣры собственно не составляютъ; потому, что всякая вѣра имѣетъ свой родъ и свое различіе. И такъ, родъ есть тѣ первые истинны, кои всѣмъ общи; а различіе есть, или другіе особые истинны, или же погрѣшности. Но чрезъ единъ свой родъ, которой всѣмъ вѣрамъ долженъ общимъ быть, не составляется никакая особенная вѣра или секта: какъ на примѣръ человѣкъ, не есть человѣкъ, потому одному, что есть животное.

Того ради противъ ихъ такое полагаю опроверженіе: кто тѣ вѣры, въ коихъ весьма многіе и важные погрѣшности, а истинны только нѣкоторые находятся, больше почитаетъ, нежели самую чистую вѣру, въ ко-

которой все истинно и безпорочно, а погрѣшности хотя и кажутся быть, но весьма не многія, къ томужъ еще маловажныя; тотъ больше почитаетъ ложъ, нежели истинну; но наши Адіафористы сіе дѣлаютъ, слѣдовательно они больше ложъ, нежели истинну почитаютъ. Однакъ еще упрямствуютъ и говорятъ противники. Ежели де всегда должно больше почитать истинну какъ ложъ, то и ту вѣру должно оставлять, въ коей кажутся быть нѣкоторые погрѣшности.

Но на сіе весьма легко отвѣтствуемъ: 1.) Ежели другая имѣется вѣра подлинно безпорочнѣйшая, то не споримъ, что надобно оставлять оную вѣру, въ которой погрѣшности находятся. 2.) Непросто разумѣть, но различать надобно погрѣшности. Ибо иныя суть важныя

и вѣчнаго мученія достойныя; кои касаются до богослуженія, нравовъ и добрыхъ дѣлъ: а иныя легкіе и маловажные, кои хотя истиннѣ, въ священномъ писаніи открытой нѣсколько и противны; однако людей отъ вѣчнаго спасенія не отлучаютъ, и въ погибель не приводятъ. И такъ на примѣръ: общество такое, которое имѣетъ погрѣшности перваго рода, то есть душевредныя и смертныя, кои съ истиннымъ благочестіемъ купно быть не могутъ, безъ всякаго сомнѣнія должно оставлять; а кое имѣетъ въ себѣ самыя легкія погрѣшности, отъ того не надобно отставать. А только тогда будетъ довольно и того, чтобъ тѣхъ погрѣшностей не хвалить. Слово въ слово такъ, какъ въ общекупномъ сожительствѣ, таковыхъ дружества удаляемся, кои имѣютъ весьма знатные пороки; а

тѣхъ

тѣхъ погрѣшностямъ съ крайнею кротостію и ласковостію снисходимъ, кои впрочемъ хотя и добродѣтельны, однако по слабости человѣческаго разума, не совсѣмъ исправны являются.

§. 16.

Противополагаютъ второе: хотя де надобно болѣе почитать истинну какъ ложъ, однакъ должно предпочитать миръ и тишину паче истинны. Ибо тихомиріе, говорятъ, больше Богу пріятно, нежели истинна; и потому *они не охуждаютъ* тѣхъ людей, кои чтобъ сохранить покой и тишину, всякую вѣру, какъ потребно бываетъ, принимаютъ. Но мы ихъ сію правду за самую сущую ложъ доказываемъ. Пусть это правда, что Богъ любитъ миръ или покой, но совокупленный съ истинною, какъ обѣ сіи вещи совокупляетъ Захарій и Павелъ, кото-

 рый

рый велитЪ истинствовати вЪ любви. МирЪ безЪ истинны есть вражда на Бога. И для того Полибій, который мирЪ изЪ всѢхЪ лучшею вещію называетЪ, сказалЪ, что ничего не должно ни затѢвать противЪ истинны, ни уступать сЪ бесчестіемЪ для полученія одного мира. Гораздо лучше похвальная брань, нежели мирЪ, которой насЪ сЪ БогомЪ разлучаетЪ, по свидѢтельству Назіанзена: но такой мирЪ есть точенЪ оному миру, которой сЪ истинною не согласуетЪ. НѢтЪ ни единой толь лютой войны, котораябЪ лучше и полезнѢе не была худаго онаго мира.

Весьма праведно ІеронимЪ вЪ посланіи кЪ Феофилакту противЪ непорядковЪ Іоанна Іерусалимскаго пишетЪ. ЖелаемЪ де и мы мира, и нетокмо желаемЪ, но еще и просимЪ; однакЪ

однакѣ мира Христова; мира истиннаго, мира не враждебнаго, мира такого, вѣ коемѣ нѣтѣ никакой брани, и которой бы не враговѣ подкрѣплялѣ, но друговѣ бы соединялѣ.

И такѣ миролюбіе кѣ тому насѣ должно склонять, чтобѣ мы сѣ такими вѣ общество входили, кои истинную вѣру вѣ главныхѣ и кѣ спасенію нужныхѣ членахѣ исповѣдуютѣ: хотя вѣ прочихѣ не весьма важныхѣ подробностяхѣ не безѣ погрѣшностей являются. И для того многіе древніе непомѣрно строги намѣ кажутся, кои о вещахѣ маловажныхѣ не рѣдко плача достойные ссоры производили, какѣ оный филастрій, который за еретиковѣ и тѣхѣ почелѣ, кои посланіе ко Евреомѣ не Павлу, какѣ надлежитѣ, но Клименту или Варнавѣ приписывали. Да и другіе премногіе,

кои также за вещи совсѣмъ въ благочестіи никакой важности не имѣющіе кляли, и анафемѣ предавали. Однако же любленіе мира никакъ не должно насъ возбуждать къ тому, чтобъ мы истинну предпочли лжи, или бы нѣкоторые погрѣшности приняли; понеже ничего мы не должны имѣть почтеннѣе, какъ всѣми вѣки похвальную истинну.

При чемъ еще и то надобно наблюдать, что истинна не есть противна миру, и она только по случаю брани и войны причиняетъ, не инако, какъ и Христосъ о себѣ сказалъ, что онъ пришелъ не миръ, но мечь поврещи на землю. И такъ не истинна, но человѣческое поврежденіе брань причиняетъ и раздоры умножаетъ.

§. 17.

Второй нашЪ доводЪ, которымЪ мы опровергаемЪ тѣхЪ, кои хотя истинну и признаютЪ, однако неразнствіе вѣрЪ еще защищаютЪ, имѣется такого содержанія: ежели превеликій грѣхЪ есть познанную истинну оставлять; то не должно тѣмЪ всякую вѣру безЪ разбору принимать, кои познали истинну; но предЪидущее предложеніе наше истинно, убо и послѣдующее. О предЪидущемЪ потому такЪ говорю, понеже оное отрицаемо быть не можетЪ, а послѣдующее доказывается изЪ посланія ко ЕвреомЪ гл. 6. ст. 4. 5. 6. „Не возможно, говоритЪ „ПавелЪ святый, просвѣщенныхЪ единсю, и вкусившихЪ „дара небеснаго, и причастникомЪ бывшихЪ Духа святаго, „и добраго вкусившихЪ Божія „глагола и силы грядущаго „вѣка, и отпадшихЪ паки обно-

„вля-

„ взяти въ покаяніе, второе „ распинающихъ Сына Божія въ „ себѣ, и обличающихъ„. Вотъ какой тяжкой грѣхъ и наказаніе! Да въ томъ же посланіи гл. 10. ст. 26 и 27. „ Волею бо „ согрѣшающимъ намъ по прія„ тіи разума истинны, къ тому „ о грѣсѣхъ не обрѣтается жер„ тва: но страшное нѣкое чаяніе „ суда, и огня ревность поясти „ хотящаго сопротивныя„. Кто сіе безъ страха можетъ слушать? О когда бы всѣ богоотступники объ этомъ внятно размышляли!

§. 18.

Третій доводъ противъ тѣхъ же соперниковъ такой предлагаемъ: ежели бы въ томъ никакого не было различія, какую бы кто ни держалъ вѣру; то священное писаніе никогдабъ не совѣтовало страдать за благочестіе. Ибо весьмабъ было

без-

безчеловѢчно налагать бремя на людей совсѢмЪ не нужное, и требовать отЪ нихЪ того, чтобЪ они всякой родЪ мученій, не выключая ни единаго, лучше претерпѢли, нежели истинны отреклись. Да и не такЪ подла жизнь наша, чтобЪ всякЪ человѢкЪ, будучи по образу Божію созданЪ, и кровію Христовою искупленЪ, безЪ всякой нужды оную терять одолжался. Для чего же ХристосЪ многократно совѢтуетЪ своимЪ ученикамЪ свой нести крестЪ? Матѳ. гл. 10. ст. 38. 39. „Иже не пріи„метЪ креста своего и вЪ слѢдЪ „мене грядетЪ, нѢсть мене „достоинЪ. ОбрѢтый душу свою „погубитЪ ю„ и проч. для чего и Апостоли тожЪ самое часто напоминаютЪ, и столь изрядно о томЪ говорятЪ? ПослушаемЪ хотя единаго Павла кЪ ЕвреомЪ гл. 12. ст. 1. „ТѢмЪ же убо и „мы толикЪ имуще облежащь

„насЪ

,, насЪ облакЪ свидѣтелей, гор-
,, дость всяку отложше, и удобь
,,обстоятельный грѣхЪ, тер-
,, пѣніемЪ да течемЪ на пред-
,, лежащій намЪ подвигЪ: ,, взи-
,, рающе на начальника вѣры и
,, совершителя Іисуса, иже вмѣ-
,, сто предлежащія ему радости
,, претерпѣ крестЪ, о срамотѣ
,, не радѣвЪ, одесную же пре-
,, стола Божія сѣде. Помыслите
,, убо таковое пострадавшаго отЪ
,, грѣшнихЪ на себѣ прекословіе,
,, да не стужаете душами своими
,, ослабляеми. Неу до крове ста-
,, сте,,. Пристойно ли бы такЪ
говорить мужу премудрому да
еще богодухновенному, ежелибЪ
подлинно все равно было, чтобЪ
ты такое ни дѣлалЪ, или ка-
кой бы вѣрѣ ни сообщался?

Но еще слѣдуетЪ и другой
доводЪ: ежели бы всѣ вѣры не
имѣли между собою различія,
тобЪ мы не должны были ана-
фемѣ

ѳемѣ предавать того, который иначе намъ благовѣствуетъ, нежели какъ благовѣствовано было, хотябы онъ былъ другой Павелъ съ небесъ сшедшій или и Ангелъ. Но о семъ явно учитъ самъ Павелъ къ Галат. въ главѣ 1. ст. 8. 9. да еще и дважды тожъ самое напоминаетъ: „Аще мы, или Ангелъ съ „небесе благовѣститъ вамъ, „анаѳема да будетъ. Яко же „предрекохомъ, и нынѣ паки „глаголю: аще кто вамъ благо„вѣститъ паче, еже пріясте, „анаѳема да будетъ„. Не далѣе небо отъ земли отстоитъ, какъ слова Павловы отъ словъ нашихъ Адіафористовъ.

Разсудите же прошу: Павелъ велитъ анаѳемѣ предавать такого, которой иное благовѣствуетъ а не то, чему онъ училъ: а нынѣ находятся между Христіанами, которые не постав-

ставляютЪ за разность прини-
мать вѣру отЪ тѣхЪ, кои
какЪ всякому явно иное учатЪ,
нежели что ПавелЪ училЪ. Сей
доводЪ тѣмЪ наипаче сильняе,
что АпостолЪ оному проклятію
подвергаетЪ и тѣхЪ, которые
законЪ Христіанскій сЪ жидов-
скимЪ, а Моисея сЪ ХристомЪ
соединить хотѣли. И такЪ оные
еретики вЪ разсужденіи сей ма-
теріи гораздо легче погрѣшали,
нежели наши Адіафористы,
кои Христіанское благочестіе
сЪ другими отЪ людей вымыш-
ленными и всякихЪ погрѣшнос-
тей исполненными вѣрами сое-
динить и смѣшать, и вдругЪ
Христу и Веліару, Богу и ма-
монѣ служить хотятЪ.

При чемЪ и сего не должно
забывать, что сіе мѣсто Пав-
лово еще тѣхЪ мнѣніе совсѣмЪ
опровергаетЪ, кои то одно за
довольное ко спасенію постав-
ляютЪ,

вляютъ, чтобъ вѣрить только о Христѣ, что онъ есть обѣщанный Мессія; принимать тѣ истинны, кои всѣмъ вѣрамъ общи, да добродѣтельно жить: а прочее все не такъ за важное почитаютъ, чтобъ за то съ кѣмъ имѣть какое нибудь прекословіе. Но и помянутые противники, противъ которыхъ вооружается Апостолъ также признавая Мессію и всѣ прочіе истинны принимали: но понеже добровольно не захотѣли на то склониться, чтобъ Мойссеевъ законъ вовся оставить: того ради ихъ предаетъ анафемѣ Павелъ.

Кромѣ сего, что нашимъ Адіафористамъ ужѐ доказано, пусть по ихъ мнѣнію противному будетъ и такъ, что будто довольно ко спасенію вѣрить Христа обѣщаннымъ Мессіею: но изъ того своего предложенія могутъ они обличиться тѣмъ,

 что

что много есть такихъ въръ, которые желали и желаютъ Христіанскими почитаться, однакъ всъ они такъ суть ложны, что ихъ принимать и содержать крайній есть грѣхъ и беззаконіе.

§. 19.

Седмой классъ послѣдуетъ тѣмъ, кои за должное почитаютъ то, чтобъ всякъ признавалъ и вѣрилъ истиннѣ: но ложнаго и совѣсти нашей противнаго исповѣданія всякіе обряды и церемоніи употреблять въ различіе и въ худобу не ставятъ. Противъ которыхъ и мы слѣдующимъ образомъ вооружаемся:

Ежели всякое лицемѣріе въ вѣрѣ отъ Бога священнымъ писаніемъ возбраняется; то весьма худо дѣлаютъ, кои такой вѣры обряды и церемоніи употребляютъ, которая совсѣмъ ху-

худою имѣ кажется: первое предложеніемѣ ни единаго сомнѣнія не имѣетѣ; а второе весьма удобно доказывается, да еще многими доводами.

Первой доводѣ приводится оттуду, что когда неистовствомѣ Ахаза и Іезавели введенное вѣ вѣру идолопоклонство вездѣ было умножилось; то Богѣ всѣхѣ тѣхѣ изѣ числа рабовѣ своихѣ выключилѣ, которые Ваалу поклонились; хотя и нѣтѣ вѣ томѣ сомнѣнія, что многіе изѣ нихѣ чистосердечными и непорочными себя сохранили, и ему единому все богопочтеніе воздавали.

2. Доводѣ выводимѣ изѣ точныхѣ словѣ Христовыхѣ у Матѳея гл. 10. ст. 33. „Всякѣ иже „отвержется мене предѣ человѣки [не говоритѣ сердцемѣ, „но просто] отвергуся его и

„ азъ предъ Отцемъ моимъ иже „ на небесѣхъ„.

3. Доводъ приводимъ изъ посланія перваго къ Коринѳяномъ гл. 10 ст. 21. Гдѣ явно говоритъ Павелъ Коринѳяномъ: не можете чашу Господню пити, и чашу бѣсовскую. Онъ же и тѣхъ сомнѣвается называть идолослужителями, которые хотя одно какое ниесть исправляли изъ такихъ служеній, какіе въ обычаѣ были у идолопоклонниковъ для изъявленія своего идоламъ почитанія.

4. Доводъ беремъ изъ тѣхъ казней, которыми устрашаетъ Іоаннъ во Апокалипсисѣ гл. 14. ст. 9 10. 11. „Иже аще покла„ няется звѣрю и иконѣ его, и „ пріемлетъ начертаніе на челѣ „ своемъ, или на руцѣ своей: „ и той имать пити отъ вина „ ярости божія, вина нерастворен-

„ренна въ чаши гнѣва его, и „будетъ мученъ огнемъ и жу„пеломъ предъ Ангелы святы„ми, и предъ Агнцемъ„. Также и изъ тѣхъ казней, о которыхъ говоритъ противъ страшливыхъ той же Іоаннъ и въ томъ же Апокалипсисѣ гл. 21. ст. 8. Коихъ онъ въ числѣ осужденныхъ кладетъ между первыми и главными Геенны наслѣдниками. Но кто же они такіе страшливые? Подлинно не тѣ, кои нерадиво себя ведутъ на сраженіяхъ воинскихъ; не тѣ, кои явно заблужденіямъ послѣдуютъ; ниже лицемѣры, кои истинну Евангельскую хотя словами и исповѣдуютъ, однакъ дѣлами отмещутъ: но непремѣнно тѣ, которые мірской ненависти и мученія бояся, внѣшнее свое житіе такъ ведутъ, что по видимому всѣ тѣ обряды и церемоніи съ похвалою принимаютъ, а самою вещію въ

себѣ, и по внутреннему своей совѣсти разсужденію гнушаются ими.

5. Доводъ имѣемъ изъ трехъ Царствъ главы 18. ст. 21. и Софоніевой 1. ст. 5. гдѣ осуждаются и тѣ, которые на обѣ плеснѣ храмлютъ, и хотя покланяются Богу и имъ кленутся, но купно и миродержцемъ божатся. Еще и изъ Апокалипсиса 3. гл. ст. 15. 16. Гдѣ Христосъ грозитъ, что онъ тѣхъ, кои ни теплы, ни хладны суть, имать изблевати изъ устъ своихъ.

6. Доводъ приводится изо всѣхъ оныхъ мѣстъ, въ которыхъ повелѣвается, чтобъ мы исповѣдовали устами предъ человѣки Господа Іисуса къ Римлян. 10. 9. Матѳ. гл. 10. ст. 32. 33. И чтобъ были готовы къ отвѣту всякому вопрошающему насъ словесе

весе о нашемъ упованіи. 1. Посланія Петрова гл. 3. ст. 15.

7. Доводъ изъ оныхъ словъ, которыми намъ также повелѣвается изыти отъ среды невѣрныхъ, отъ среды Вавилонской. Апокалипсисъ гл. 18. ст. 4. къ Коринф. 2. послан. гл. 6. ст. 17.

8. Доводъ есть тотъ, что мы не точію душею, но и тѣломъ служить Богу долженствуемъ. „Представите (говорherитъ Павелъ къ Рим. 12. 1.) „тѣлеса ваша жертву живу и „благоугодну Богови. И къ Ко„ринф. въ 1. посланіи гл. 6. ст. „20. Прославите Бога въ тѣ„лесѣхъ вашихъ, и въ душахъ „вашихъ, яже суть Божія„. Ибо великое есть святотатство, тое Богу отрещи, что его есть, и что по двоякому праву ему принадлежитъ, то есть по праву сотворенія, и по праву ис-

 ку-

купленія. Также весьма тяжкая вина на двое себя раздѣлять, и для Бога, которому вся мы должны, и для міра, которому ничего. Еще и то нелегкое же преступленіе, не употреблять языка для того, которому ты и жизнь свою долженъ; стыдиться себе признавать того рабомъ, которой не устыдился насъ назвать своею братіею, и которой за насъ самую лютую и поносную смерть воспріялъ.

9. Доводъ прилагается изъ того, что когда мы въ тонкость оное разсудимъ, то увидимъ, что тотъ Бога устами отрещися не можетъ, которой сердцемъ его не отрекся; и едва тому возможно статься, чтобъ не поберегъ тотъ для Бога своего здраваго тѣла, которой для него бережетъ чистое сердце. И по таковой то причинѣ въ церквѣ Христіанской всегда прокли-

клинаемы были Елцезаиты, о которыхЪ Евсевій ПамфиліевЪ вЪ началѢ книги той повѢствуетЪ, что они утверждали, будто бы безЪ грѢха можно устами отрещися вѢры: да Присциліаноты, которые за законЪ себѢ имѢли, яко бы во время гоненія свободно человѢку лгать; нѢтЪ ничего, говорятЪ, языкомЪ клясться, только бы мысль безЪ божбы была; какЪ и оной язычникЪ, которой у Еврипида говоритЪ: языкЪ клялся, а мысль не клялась.

10. ДоводЪ приводимЪ на концѢ изЪ тѢхЪ же мѢстЪ упомянутыхЪ ужѐ, гдѢ не точію страдать, но и умереть за правду и истинну повелѢвается намЪ, кЪ которымЪ присовокупить должно и оныя мѢстà, вЪ коихЪ блаженными называются всѢ изгнанники правды ради.

§. 20.

И такъ мы десятью доказательствами Неупіралистовъ нашихъ мнѣніе опровергнули. Но дабы ихъ ложъ лучше еще оказалась, то прошу ихъ, чтобъ они себѣ три слѣдующія вещи замѣтили.

1. Удивительно то, что они не стыдятся лгать въ исповѣданіи вѣры, коего въ свѣтѣ ничего важнѣе и святѣе не находится; притомъ же всякому честному человѣку ложъ не прилична. Да и самые погибшіе люди иногда жестокія совѣсти угрызенія чувствуютъ, естьли когда передъ судіями клятвою присвояли себѣ вещъ чуждую: столь твердо отъ самаго естества въ сердцахъ нашихъ вкорененно лжи омерзѣніе. Почему паки то же самое говорю, кто не удивится такимъ людямъ, которые, желая въ свѣтѣ нѣкую

кую себѣ часть получить, не опасаются лгать въ самой вещи преважнѣйшей, гдѣ идетъ дѣло о богѣ, о истиннѣ и оспасеніи? Естли на примѣръ противу Государя весьма тяжко погрѣшаетъ тотъ подданной, которой или видомъ, или словами свою государю невѣрность прикрываетъ; поелику онаго величество такъ свято, что его ни подъ какимъ видомъ ни уменьшить, ни касаться, нижѐ хотя малымъ чѣмъ оскорбить, есть великое беззаконіе, съ какимъ бы то намѣреніемъ оные продерзатели ни дѣлали? То что ужѐ можетъ быть беззаконнѣе и нечестивѣе, какъ притворять себя врагомъ Богу и истиннѣ?

2. Прошу и то примѣтить, что весьма тяжко такіе лицемѣры грѣшатъ противъ ближнихъ своихъ; понеже они своимъ примѣромъ къ богоотступству

ству склоняютъ ихъ, и приводятъ на то, чтобъ ложные ихъ догматы принимаемы были за справедливые. Почему я оттуду сіе вношу: когда чародѣи, за то одно, что тѣлесному здравію порчу причинять мнятся, иво всѣхъ вредителей самыми пагубнѣйшими почитаются: то не большее ли тѣхъ безчеловѣчіе, кои на повреждение душъ устремляются? И хотя сами совершенно вѣдаютъ, что то ядъ есть, однако оной ближнимъ подаютъ; и смертную чашу симими же прежде вкушать притворяются, чтобъ другіе оную скорѣе изпить отважились. Но какія и казни ихъ ожидаютъ отъ того, которой грозитъ, что онъ имѣетъ жестоко наказать лжецовъ и обманщиковъ, да и тѣхъ, которые немощной своей братіи соблазнъ подаютъ.

3. Наблюдать имъ совѣтую, что отъ нихъ весьма много порочится Богомъ данная мучениковъ крѣпость, изъ которыхъ великое число за святую истинну кровь свою изліяли. Ибо кто не почелъ бы тѣхъ неразсудными, глупыми, или паче безумными, кои, естьли повѣримъ нашимъ мудрецамъ, безъ всякой дальной причины, лучше желали своей жизни лишиться, и посредѣ пламени сгорѣть, нежели во исполненіе мучительскаго велѣнія хотя горсть ладану въ жертву идоламъ принесть? Такое мнѣніе, какъ видно, имѣлъ Гобезій, которой въ своемъ Левіафанѣ на страницѣ 235. пишитъ, якобы тѣ не обязаны были претерпѣвать смерть, кои не были посланы на проповѣданіе. Но мы не должны въ толь худое безславіе попускать святыхъ Мучениковъ, которыхъ всѣ Христіане высоки-

ми

ми вознесли похвалами; и вмѣсто того, что они были всѣхъ людей мудрѣйшими, почитать ихъ за безумнѣйшихъ, для одного только того, чтобъ угодить малодушію тѣхъ, кои хотятъ быть мудрыми, но въ самой вещи весьма глупы и неразсудны. Ибо они злочестивое исповѣданіе притворно содержать не стыдятся, на тотъ единственно конецъ, чтобъ спокойнѣе въ мірѣ семъ прожить; и лучше временное свое богатство сберечь, нежели вѣчное получить желаютъ, къ томужъ больше боятся стерти, нежели жестокихъ геенскихъ мукъ.

§. 21.

Къ сему седьмому классу причитаются и тѣ, кои за самой первой и главной законъ утверждаютъ быть законъ властелинской какъ въ духовныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлахъ;

и

и сколько ни есть, или въ правахъ естественныхъ, или въ священномъ писанiи узаконенiй, то всѣ тѣ подвержены свѣтской власти, по изволенiю своему обо всѣмъ учреждающей. Сего мнѣнiя былъ и помянутый Гобезiй, который такъ говоритъ въ Левiафанѣ на страницѣ 136. что мы де иногда и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ должны повиноваться проповѣдующимъ слово Божiе. Причина тому сiя, то есть, когда оное, что проповѣдуется отъ нихъ, укажетъ гражданская власть вмѣсто закона почитать. Ибо де и то зависитъ отъ естественнаго закона, которой также есть какъ божескiй, дабы мы во всемъ, что ни прикажетъ гражданство, гражданству были послушны: хотя намъ оное иногда и вѣру содержать запретитъ. Откуду наводитъ, что будто для того обазаны были Израильтяне

имѣть за законъ Божій все то, что имъ подъ именемъ закона Божія обьявилъ Авраамъ, понеже онъ надъ дѣтьми своими и рабами полную власть имѣлъ. Той же на страницѣ 234. толкуя оное мѣсто Матѳеево изъ главы 10. ст. 32. *Всякъ иже отпержется мене* и проч. говоритъ такъ: не должно подданному, которой отречется Христа, вмѣнять за грѣхъ, ежели онъ принужденъ былъ къ тому отъ своего Государя. И на страницѣ 152. пишетъ, обнародованное де право всякому гражданину есть вмѣсто совѣсти. Но сколь много въ томъ злочестія? Да и подлинно, ежелибъ сіе богохульное мнѣніе принято было, то бы мы никакого не должны признавать Бога, кромѣ того только гражданства, въ которомъ мы подданными родились: нижѐ дѣйствіямъ и жизни нашей было бы иное пра́вило, только одинъ законъ человѣческій,

скій, который данъ будетъ отъ гражданства или его градоначальниковъ. Не надлежалобъ человѣку искать, что Богъ людямъ открылъ, или что ему угодно: но что велитъ гражданство; одной бы только власти его надобно было повиноваться противъ совѣсти и противъ здраваго разума: и слѣдовательнобъ, что тѣ весьма худо сдѣлали, которые образу Навуходоносорову не захотѣли поклониться, или которые возпротивились Царскимъ повелѣніямъ предъ идолами кадить. Кто о семъ терпѣливно станетъ слушать, или кто выслушавъ, за худое сего не почтетъ? Но говоритъ еще Гобезій: не писаніе ли велитъ повиноваться власти? Очень изрядно, да изъ насъ никто о томъ не споритъ: но еще вѣруемъ, что и такой власти должны мы повиноваться, которая отмѣнное исповѣ-

даніе вѢры содержитЪ; вЪ чемЪ не только Апостольскому но и Святыхъ отцовЪ мнѢнію послѢдуемЪ, а вопервыхЪ Купріанову, которой, когда ему начальникЪ, выговаривалЪ, якобы онЪ по тому что ХристіанинЪ, сталЪ быть КесаревЪ злоумышленникЪ, слѢдующія слова, какЪ изЪ житія его явствуетЪ, вЪ отвѢтЪ сказалЪ: „ ни мало мы „ Христіане сему пороку не „ причастны. Ибо Кесарю, хо„ тя онЪ инако вѢритЪ, и иныхЪ „ боговЪ почитаетЪ, но поелику „ нашЪ Государь есть, добра „ желаемЪ, и просимЪ и мо„ лимЪ Бога нашего, дабы его „ вЪ познаніе истиннаго блажен„ ства привелЪ „. Почему и наше мнѢніе не иное, однако вЪ томЪ только одолжены мы власти повиноваться, что слову Божію не противно; должны говорю воздавать Кесарева Кесареви а Божія Богови. Буде законЪ власти-

стительской съ закономъ Божіимъ согласенъ, то всячески надлежитъ повиноваться оному: буде же не согласенъ, то повиноваться ему не надобно, да и никто тогда не обязанъ. И такимъ образомъ всегда себѣ надобно памятовать оное Апостольское слово дѣяній гл. 5. ст. 29. Повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ. Да и подлинно, можно ли вящшую укоризну изобрѣсти противъ Бога. какъ большее повиновеніе оказывать людямъ, нежели Богу. Его заповѣди Божескія преступать, а человѣческія узаконенія исполнять? Онъ есть Царь царствующихъ и Господь господствующихъ! Естьли хотя однажды святыя свои уста отверзъ, то единаго его изо всѣхъ и больше всѣхъ слушать надлежитъ. Правда, что мы тѣмъ людямъ, кои нами управляютъ, подвластны; но въ немъ са-

момѣ, то есть, не болѣе какѣ Богу. Ибо ежели что повелятѣ они намѣ противѣ воли его, тогда ни мало исполнять того не должны мы. И по сей то причинѣ, говоритѣ Даніилѣ, что онѣ ничего вѣ томѣ противу Царя не погрѣшилѣ, когда онѣ злочестивому его повелѣнію не покорился: напротивѣ же того весьма тяжко наказаны были Израильтяне за то, что Іеровоама чрезмѣрно слушались, и оставивши храмѣ Божій, кѣ новымѣ суевѣріямѣ уклонились.

Но еще настоитѣ Гобезій, и приводитѣ вѣ подкрѣпленіе себѣ кѣ Римл. гл. 13. ст. 5. гдѣ говоритѣ Павелѣ, потребно властемѣ повиноватися не токмо за гнѣвѣ, но и за совѣсть. Но чтожѣ изѣ того? Слѣдуетѣ ли оттуду, чтобѣ власти имѣли право надѣ совѣстію? Никакѣ. Никто надѣ нею власти не имѣетѣ

етъ кромѣ того, кто оную людямъ далъ; сіе и самымъ язычникамъ не безъизвѣстно. И для того Филонъ о Индійскомъ философѣ Каланѣ повѣствуетъ, что онъ къ Александру великому такъ писалъ: „хотя друзья „тебѣ и совѣтуютъ, чтобъ „ты запретилъ Индійскимъ Фи„лософамъ, дабы они чрезъ сно„видѣніе не узнавали своихъ „дѣлъ и предпріятій. Но удоб„нѣе тебѣ тѣла съ мѣста на „мѣсто перенести; а душамъ „самовластнымъ никакой силы „нанесть не можешь, такъ „точно, какъ бы ты захотѣлъ „понудить камни и дерева, „чтобъ они голосъ издавали; и „проч. Никакой Царь, и никакой владѣлецъ не можетъ того доказать, чтобъ мы что нибудь противъ мнѣнія нашего сдѣлали. Какая же сила и Павловыхъ словъ? Не иная поистиннѣ какъ только сія, что не для того

только повиноваться властямЪ, понеже сильнѣйшимЪ противиться не можно безЪ вреда; какЪ обыкновенно на примѣрЪ сносимЪ тѣ обиды, которыхЪ отвратить не льзя: но добровольно сіе повиновеніе надобно изъявлять, кЪ чему словомЪ БожіимЪ обязуется совѣсть.

§. 22.

Здѣсь представляютЪ противники нѣчто вЪ защищеніе своего мнѣнія; а именно: 1. ПриводятЪ вЪ примѣрЪ Никодима, которой хотя довольно увѣренЪ былЪ о истиннѣ ученія Христова: однакожЪ какЪ при народѣ сЪ нимЪ не сообщался, бояся ЖидовЪ, такЪ и отЪ сонмища ихЪ не отступалЪ. Что и о Іосифѣ АримафейскомЪ упоминается. Но на сіи примѣры три примѣчанія полагаемЪ: 1. Что они хотя всенародно со ХристомЪ и не сообщались, однакЪ

накЪ ни кЪ какимЪ богопротивнымЪ зборищамЪ не приставали же; да и вЪ сонмищахЪ Iудейскихъ хотя они еще находились, только то происходило отЪ того, что и самЪ ХристосЪ своими учениками отЪ оныхЪ ветхозаконныхЪ обрядовЪ не отлучался. 2. Оба они, то есть, НикодимЪ и IосифЪ за то явно охуждаются у Iоанна вЪ гл. 12. ст. 42. 43. гдѢ читаемЪ, что мнози отЪ Князь вѢроваша во Христа; но Фарисей ради не исповѢдаху, да не изЪ сонмищЪ изгнани будутЪ: возлюбиша бо паче славу человѢческую, нежѐ славу Божію. 3. Что НикодимЪ ФарисеевЪ удерживалЪ отЪ намѢренія, предпріятаго противу Христа, а IосифЪ такожде имЪ не хотѢлЪ согласиться; оба же безЪ всякаго укрывательства по смерти Христовой: [когда изЪ АпостоловЪ одни бѢгствомЪ спасались, а

другой отвергся:] тѣло Христово испросили, и съ честію оное погребли, что вмѣняется имъ за всенародное Христа исповѣданіе.

Но пускай сравняются неразнственники наши съ Никодимомъ: Никодимъ ни съ какими запрещенными собраніями не соединялся; а они со всякими сборищами сообщаться за различіе не почитаютъ. Никодимъ съ Іосифомъ всенародно Христа погребаетъ, и предъ цѣлымъ собраніемъ Фарисейскимъ ихъ совѣту противится: а они и говорить про Христа стыдятся. Почему ежели Никодимъ и Іосифъ охуждаются отъ Іоанна, то кольми паче охужденія достойны являются аже-Никодимиты нынѣшняго вѣка.

2. Въ примѣръ представляютъ противники Неемана, кото-

торой хотя де отъ заблужденія языческаго къ познанію истиннаго Бога и былъ обращенъ: однакожъ предъ кумирьнями и идолами ложныхъ боговъ покланялся, чего ему будто и Пророкъ не запретилъ. Но дабы и на сей примѣръ мы могли отвѣтствовать, прежде три вещи сіи надобно примѣтить. 1. Что Нееманъ Сиріянинъ не точію отъ Пророка не просилъ того, чтобъ ему позволено было вѣру и благочестіе предъ Царемъ своимъ въ Сиріи таить; но самъ обѣщался и клялся, что онъ впредъ никакимъ инымъ богамъ приносить жертвъ не станетъ. 2. Что Нееманъ не того требовалъ, дабы ему по какому ни есть случаю можно было ходить въ кумирню Ремманову, въ чемъ бы онъ имѣлъ великой грѣхъ; но только сего, что, естьли когда Царь пойдетъ молиться въ капище Рем-

маново, и захочетъ на руку или на плечо его опереться, то бы сіе ему ни за лукавство, ни за грѣхъ предъ Богомъ не вмѣнялось. Подобное сему читаемъ о Валентиніанѣ первомъ, которой Іуліана богоотступника довелъ до капища фортуны, какъ о томъ Феодоритъ объявляетъ. Также читаемъ и о Курфирстѣ Саксонскомъ, которой по объявленію Слейданову, во время обѣдни передъ Карломъ V. стоялъ съ Цесарскимъ мечемъ, чего ему и богословы его не возбранили.

Но пусть и съ Нееманомъ сравняются наши Адіафористы. Нееманъ явно исповѣдалъ, что онъ единаго Бога Израильскаго почитаетъ, и явно также свидѣтельствовалъ, что сей Ремманъ не есть Богъ; хотя иногда при жертвахъ его и принужденъ былъ находиться, для то-

того, чтобъ Государю своему должное служеніе исправить: а сіи за одно съ идолопоклонниками обряды исправлять не отрекаются, дабы тѣмъ жизнь и имѣніе свое въ цѣлости сохранить. Нееманъ сего единаго проситъ, чтобы ему не возбранено было Царю своему оказывать услуги: а неразнственники наши свободности себѣ ищутъ притворно поступать, хотя къ тому никакою гражданскою должностію не привязаны. Сюды принадлежитъ и 3 примѣчаніе, то есть, сіи слова можно иначе разумѣть, какъ то примѣтили ученые, аки бы тамъ Нееманъ просилъ прощенія не за грѣхъ впредь содѣваемый, но за грѣхъ уже содѣянный. И сего о семъ довольно.

Одно только еще присовокуплю о Неемане, о чемъ здѣсь и надлежитъ разсудить. 1. Нико-

кому не должно дѣлать такъ противъ своей совѣсти. 2. Ежели кто и принужденъ будетъ къ тому, то опасаться надобно, чтобъ отнюдь никакого почтительнаго виду къ таковымъ богопротивнымъ служеніямъ не оказать, дабы того ниже за самое малѣйшее согласіе не причтено: но паче охуждать и гнушаться тогда должно, какъ сдѣлалъ Валентиніанъ, которой, когда капищной церковникъ входящихъ чистительною водою по обычаю языческому кропилъ, и одну только каплю той воды на лѣвую ему руку упадшую усмотрѣлъ; то въ тотъ же часъ онаго церьковника прибилъ, и сказалъ, что онъ тѣмъ не очистился, но осквернился. Лучше такія чести и достоинства, которыя насъ къ какому нибудь поступку приводятъ, которой нашему благочестію хотя мало противенъ,

заблаговременно оставить, и лучше ихъ не имѣть, нежели ближнему соблазнъ подавать.

§. 23.

Противополагаютъ намъ и третіе: надобно де поступать по разсужденію времени, мѣста и лицъ, какъ то и Павелъ святый дѣлывалъ, которой самъ о себѣ написалъ: Іудеемъ быхъ яко Іудей, подзаконнымъ яко подзаконенъ, беззаконнымъ яко беззаконенъ, всѣмъ быхъ вся. 1. къ Коринф. гл. 9. ст. 19. 20. 21. 22. 23. На что мы такъ отвѣтствуемъ: никто и изъ насъ о семъ не споритъ, что по разсужденію времени, лицъ и мѣста поступать надобно, толькобъ пребывала невредима совѣсть, и исполнено было бы то, чего отъ насъ истинное благочестіе требуетъ. Правда, что времени и мѣсту такъ надобно угождать, что когда

тебя

тебя гдѣ гонятъ, то оставь отечество, оставь домъ свой, и бѣги во иное мѣсто; и *буди тамо, донележе рекутъ ти, изомроша ищущіи души отрочате.* И лицамъ также угождать должно, да такъ чтобы ты безбожнымъ святая не предлагалъ, и немощнымъ соблазна не подалъ. Какъ то и Павелъ Іудеемъ былъ Іудей, то есть, тѣ обряды исполнялъ, кои когда были Христіанской вѣрѣ непротивны. На прим. обрѣзывая Тимоѳея, и въ Кенхреяхъ главу себѣ остригши: *беззаконнымъ яко беззаконенъ*, сирѣчь отъ тѣхъ церемоній воздерживаяся, отъ которыхъ язычники могли соблазниться: *немощнымъ яко немощенъ*, ихъ слабости примѣняяся, такъ какъ иногда кормилица съ младенцемъ помладенчески поступаетъ; а не такъ, какъ оный у Теренція изображенный Гнафонъ, которой самъ се-

себѣ приказы отдавалъ, чтобъ всякому ласкателемъ былъ. Вотъ святый Павелъ въ какову силу о себѣ сказывалъ: *всѣмъ быхъ вся*, то есть въ вещахъ только позволенныхъ и средственныхъ. Чтожъ изъ того наши противники себѣ получатъ? Пускай они будутъ всѣмъ вся, какъ и Павелъ; мы не возпротивимся, ниже въ порокъ вмѣнимъ. Но послѣдуетъ ли изъ того, что будто вольно всѣ принимать вѣры, истинную оставлять, а ложную исповѣдывать? Никакъ, Павелъ себя только въ томъ прочимъ соображалъ, что есть средственно, а не въ томъ, что отъ Бога запрещено: да и то дѣлывалъ не отъ страха человѣческаго, но будучи возбужденъ ревностію къ славѣ Божіей: ниже когда отрекался Евангелія, но еще все то дѣлалъ для Евангелія, да многихъ пріобрящетъ,

какъ

какЪ самЪ онЪ объявляетЪ. Но то же ли исполняютЪ наши неразнственники.

Естьли бы такое же Павлово было мнѣніе, какое нашихЪ НеутралистовЪ, понеслЪ ли бы онЪ столько на себѣ трудовЪ? ПодвергЪ ли бы себя такимЪ опасностямЪ? ВосхотѣлЪ ли бы связанЪ быть узами? ПожелалЪ ли бы обезглавленЪ быть отЪ Спекулатора? НикакЪ. Весьма удобно было ему отЪ всѣхЪ тѣхЪ бѣдЪ избавиться. Понеже у ЖидовЪ о Моисеѣ только а не о Христѣ, у язычниковЪ же ни о Моисеѣ, ни о Христѣ; но о Іовишѣ, о Меркуріи и симЪ подобныхЪ свободно было ему говорить. ТакимЪ бы образомЪ онЪ всѣмЪ весьма понравился. Но не такЪ онЪ наученЪ былЪ вѣрить во Христа, да и мы не такЪ научены.

Но

Но скажутъ сынове нынѣшняго вѣка: не досадно ли смертію быть казнену, или честь или богатства, или житейскихъ угодностей лишиться, или въ ссылку быть сосланнымъ, оставить тѣ забавы, коихъ должно было столько времени наслаждаться, жить въ горестной пустынѣ, и другіе симъ подобные претерпѣвать скорби? Подлинно, что досадно, и я не спорю: но то велитъ *томъ*, отъ котораго вся жизнь твоя зависитъ, и котораго сила и правосудіе тебѣ извѣстны, которой отъ самаго твоего рожденія не изчетныя на тебе изліялъ благодѣянія, которой тебя кровію своею отъ вѣчной смерти избавилъ, которой оставя небеса, въ сію бѣдственную юдоль сошелъ, дабы ему можно было нашу на себя плоть воспріять. И которой, что бы намъ изходатайствовать милость у Бога, самъ за

всѣхъ безъ остатку изпилъ чашу гнѣва Божія. О семъ приказываетъ Господь, братъ, женихъ, вождь, Глава, Царь, Спаситель, Богъ твой. Правда досадно, но сравни пожалуй сіи бѣдствія съ тѣми, коими столько святыхъ мужей Богъ искусилъ; сравни съ муками вѣчными, кои тебя непремѣнно ожидаютъ, естьли богоотступникомъ здѣлаешся. Или лучше сравни съ вѣчными благими, кои тебѣ уготовляетъ предвѣчный Отецъ, естьли даже до смерти его имя исповѣдывать будешь. Правда, что досадно въ самомъ крайнемъ нещастіи жизнь провождать: но гораздо досаднѣе всегда внутрь себя имѣть мучителя, отъ червей быть снѣдаему и покоемъ никакимъ ненасыщаему. Досадно въ темницѣ сидѣть, но досаднѣе ввержену быть во тьму кромѣшную. Досадно, лишить-

ся временной жизни, но несравненно досаднѣе вѣчно жить и вѣчно умирать. Досадно изгнану быть отъ зрѣнія лицъ державныхъ, но досаднѣе отчуждену быть отъ лицезрѣнія Божія; и ввержену въ тартаръ съ діаволами. Болѣе объ етомъ рѣчи моей не распространяю. Но дай то Богъ, чтобъ о семъ безбожники всѣ всегда размышляли!

§. 24.

Осмой есть классъ, которые говорятъ, что будто довольно жить добродѣтельно, а въ вѣрѣ нѣтъ никакого различія. Ко опровергенію ихъ болѣе намъ не надобно одного слова. Ежели только житіе безпорочное съ насъ довольно, то для чего намъ вѣра такъ часто узаконяется? Для чего безъ вѣры никто не можетъ угодить Богу, по свидѣтельству

Павла? Для чего всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть, какъ научаетъ Іоаннъ? Для чего тѣхъ анафемѣ предаетъ учитель языковъ, которые стояли въ томъ, чтобъ блюсти законъ Моисеевъ; хотя и законъ нравоучительной исполнять не меньше повелѣвали? Для чего человѣка еретика повелѣваетъ онъ отрицаться? Для чего невѣрующихъ на вѣчное мученіе осуждаетъ писаніе? Для чего идолослужители отъ царствія Божія выключаются?

Но пускай здѣсь позволимъ нашимъ мудрецамъ нѣчто. Говорятъ они, что довольно жить только безпорочно; пускай и такъ будетъ; но на то не пристаемъ, чтобъ тому можно было жить безпорочно, которой ничему не вѣруетъ. Можетъ ли тотъ жить добродѣтель-

тельно, которой слушая слово Божіе, а самому Богу вѣрить не похочетъ, которой истинну его презритъ, которой о томъ, что Христосъ въ пользу его изходатайствовалъ, знать не постарается? Вѣра сердца̀ очищаетъ, и всякое поощреніе къ добродѣтельному житію подаетъ. Ибо можетъ ли тотъ жить недобродѣтельно, которой твердо вѣритъ, что онъ всегда предъ лицемъ Божіимъ живетъ, и что отъ него судимъ будетъ, также которой помышляетъ, что Богъ такъ возненавидѣлъ грѣхъ, что возлюбленнаго своего и единороднаго Сына на смерть предалъ, дабы тѣмъ грѣхъ оной загладить, и своей правдѣ удовлетворить. Прочее все оставляю; понеже мы противу всѣхъ нашихъ Адіафористовъ довольно поговорили, и не надѣюсь, чтобъ другіе могли еще сыскаться,

ся, кои бы до осми оныхъ классовъ какъ ни есть не принадлежали.

Но то еще знать надобно, что мнѣніе о безразличіи вѣръ никакой вѣрѣ не нравилось. О Христіанской такъ извѣстно, что большаго уже не требуетъ доказательства. А что въ застарѣлой своей вѣрѣ весьма тверды были язычники, сіе многими свидѣтельствами подтверждается; для чего и Сервій на оное Энеидъ книга 8. „ Сей жертвенникъ толикому Божеству поставленъ отъ тщетнаго суевѣрія, и невѣденія древнихъ Боговъ. Такъ пишетъ: весьма того берегли Афиняне и Римляне, дабы кто новыхъ вѣръ не ввелъ, и для того де Сократъ въ Афинахъ казненъ, а Іудеи и Халдеи изъ города Рима выгнаны. Повѣствуетъ и Іосифъ Жидовинъ въ книгѣ 2.

Про-

ПротивЪ Аппіона, что у АфинянЪ смертная казнь учреждена была на тѣхЪ, которые чужаго Бога вЪ почитаніе ввелибы; да и естьли кто хотя единое слово противу ихЪ закона выговорилЪ, смертію казненЪ былЪ. Сходственно пишетЪ и Діонисій Галикарнасскій вЪ книгѣ 7. что не точію Греки, но и самые варвары обычай имѣли прилѣжно хранить Богослуженіе своихЪ предковЪ; тожЪ самое сказуютЪ, нѣкоторые о СкифахЪ и ПерсіанахЪ. Правда, что хотя мы вЪ томЪ не споримЪ Сократу, которой сказалЪ, якобы всякому вольно почитать Бога своего такЪ, какЪ почитаютЪ его вЪ какой странѣ, и что часто чужихЪ БоговЪ вЪ РимЪ переносили, а вЪ Афины привозили: однако напротивЪ его три сіи примѣчанія полагаемЪ: 1. Что Сократово свидѣтельство никакой важности не имѣетЪ,

по причинѣ той, что и онъ самъ за отмѣнное Богочестіе) въ Афинахъ казненъ. 2 Что чужіе оные Боги въ Римъ перенесенные, тѣ были, коихъ вызвавши изъ осажденныхъ городовъ Римской жрецъ умолялъ предъ войскомъ, дабы они не возгнушались въ Римъ переселиться. Гдѣ могутъ имѣть великолѣпнѣйшіе храмы, обильнѣйшія жертвы, и гораздо лучшіе праздники: а тое вызываніе происходило для того, понеже у всѣхъ было общее мнѣніе, будто надъ каждымъ городомъ особливой начальствовалъ Богъ, и будто бы не возможно было оные города̀ взять, пока изъ нихъ не вызваны будутъ боги. 3. Изъ того, что чужіе боги привезены были во Афины, или тамъ почитаемы подъ именемъ иногда невѣдомыхъ боговъ, явствуетъ только то, что они нѣкоторыя приключенія не сво-

имъ

имЪ БогамЪ, но чужимЪ возписывали; и часто, признавая своихЪ БоговЪ недостаточными, принуждены были прибѣгать ко инымЪ. Но не слѣдуетЪ оттуду наводить, будто бы Афиняне и Римляне или другіе изЪ язычниковЪ народы думали, что всѣ богочестія или вѣры не имѣютЪ между собою никакой разности. Ибо естьли бы на примѣрЪ такое мнѣніе о вѣрахЪ имѣли Римляне, то бы они не такЪ жестоко поступали сЪ Христіанами и сЪ Іудеями, коихЪ законЪ всегда вЪ посмѣяніи у РимлянЪ былЪ; еще же не безизвѣстно и то, что они часто ругательски новыми богами гнушались, какЪ то явно изЪ Аристофана, о которомЪ такЪ ЦиреронЪ говоритЪ вЪ книгѣ. 11. Древній оный и весьма шутливый Комическій стихотворецЪ АристофанЪ такЪ ругаетЪ новыхЪ бо-

говъ, что Сабазія и другихъ вновь проявившихся божковъ совсѣмъ изъ города выгоняетъ.

О Махомеданахъ мы не споримъ потому, что и самъ Махомедъ видно неразнственности въ вѣрахъ держался, когда говоритъ въ Алкоранѣ, что всякой человѣкъ, Христіанинъ ли онъ, или Жидовинъ, только естьли хорошо живетъ, и истиннаго Бога почитаетъ, и добрыя дѣла творитъ: то безъ сомнѣнія милость Божію получаетъ. Однакожъ (какъ извѣстно) на иномъ мѣстѣ учитъ, что его токмо законъ, единъ путь есть ко спасенію; и вездѣ приказываетъ разпространять его мечемъ и оружіемъ. Да и подлинно удивительнобъ было, ежелибъ Мусулманинъ могъ быть въ томъ мнѣніи, что всѣ тѣ Христіане спасаются, кои Махомеда почитаютъ самымъ

мымъ главнымъ льстецомъ и обманщикомъ, и кои ежедневно о истребленіи Махомеданскаго закона Бога молятъ, чтобъ такимъ образомъ во Христа всѣ народы увѣровали. Да и кому не извѣстно, что Турки на вѣчное мученіе осуждаютъ Персіанъ; чего никогда бы не учинили, ежели бы всѣ вѣры за безразличныя почитали.

О Жидахъ же никакова нѣтъ сомнительства: ибо всѣхъ другихъ иновѣрныхъ народовъ проклятію предаютъ, и зла имъ желаютъ, поелику они себѣ затвердили, якобы ихъ только Жидовскій законъ есть истинный и единъ путь ко спасенію; такъ что и мало отъ него отступить есть великій грѣхъ: да и нашлись изъ нихъ нѣкоторые такіе, кои лучше пожелали самую безчеловѣчную смерть пре-

претерпѣть, нежели свининаго мяса наѣсться. И такъ мы здѣсь сему нашему разсужденію полагаемъ конецъ.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

30277-0

Инв 5004

